

Эйке Шнайдер

ЦЕЛИТЕЛЬ

16+

Чистильщики

Эйке Шнайдер

Целитель

«Автор»

2021

Шнайдер Э.

Целитель / Э. Шнайдер — «Автор», 2021 — (Чистильщики)

От чистильщиков не уходят — говорили Альмоду. Ему удалось. Теперь для бывших соратников он — предатель и убийца. Для нынешних соседей — единственный целитель на всю округу. Никаких битв, живи и радуйся. И дернула же нелегкая снова влезть в схватку с иномирной тварью! Дурак, ой, дурак...

Содержание

1	5
2	10
3	15
4	20
5	26
6	31
7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Эйке Шнайдер

Целитель

1

На ветку опустилась сорока, стряхнув с иголок капли воды, прямо за шиворот. Альмод попытался схватить ее плетением – очень хотелось свернуть мерзкой твари шею. Но птица, словно почуяв, взлетела, оттолкнувшись от ветки и снова обдав его холодными каплями.

Он выругался, потер веки. Какого рожна его вообще понесло в эту рань возвращаться через лес в город? Ну, не выспался. Весна в этом году оказалось невиданно теплой, ночь пахла земляникой и росой, хоть под открытым небом ложись. Не закрыл на ночь дверь землянки, чтобы проветрилась как следует. И ни свет ни заря Альмода поднял дятел.

Пернатый гад, по определению, дурак: в голове, которой регулярно долбят дерево, просто не может быть много ума. Но он сам-то не дятел! И голова большая, вон как болит, а еще болтают, дескать, кость. Так что, спрашивается, мешало ему закрыть дверь, в пару глотков допить вино, чтобы лучше спалось, и рухнуть обратно? Заодно похмелье переспал бы.

Нет, решил, что пора бы и в город вернуться, пока с собаками искать не начали. Как-никак, единственный одаренный целитель на весь городок. Да и вообще единственный одаренный, если не считать двух телохранителей Харальда Хромого, некоронованного короля Мирного. Золотоискатели, что большей частью его населяли – ребята суровые, с соплями и даже сломанной ногой за целителем посылать не будут, если зовут, значит, дело серьезное. Так что лучше не затягивать время, заставляя себя разыскивать. А он и так три дня уже торчал в лесу. Три дня не просыхал.

С того мига, как Харальд Хромой встал посреди трактирного зала, дождался тишины и предложил всем присутствовавшим выпить за здоровье «известного всем нам» и «незаменимого» целителя, «который уже год с нами и, мы надеемся, задержится еще не на один год». Надеялся он, как же. Надеялся на то, что Насмешник, вечный враг Творца, который принес Альмода в Мирный, приберет его снова, чтобы и духа не осталось. И все это знали, но от дармовой выпивки не отказывались.

Альмод тоже не стал от нее отказываться. Потом добавил. Потом решил, что видеть не хочет ни одной человеческой рожи, прихватил несколько мехов с вином и отправился в лес. Землянку он выкопал в первый же месяц, как понял, что, пожалуй, останется в Мирном какое-то время. Логово на случай, когда не захочется никого видеть или вдруг понадобится отсидеться. Или нажраться до положения риз, как сейчас, и чтобы никто не лез в собутыльники и не спрашивал, по какому поводу.

Год с того дня, как он объявился в этой дыре, демоны бы ее драли.

Год с того дня, как погибла Тира.

Какого рожна он потащился обратно в город вместо того, чтобы допивать вино? Оставалось же... Искать будут – да кому он нужен, его искать? А и не найдут, покойником больше, покойником меньше, мало, что ли, их, в пьяных драках подохших?

Видел ведь, что тучи низкие, решил, что если дождь и пойдет, не растает, не сахарный. Заодно и голову освежит. Освежил, умник!

Он саданул кулаком по стволу ближайшей осины. С листьев стеной ливанула вода, промочив до костей. Альмод открыл было рот, чтобы помянуть дождь, дятлов, крылатых и двуногих, деревья и собственную глупость, и осекся на полуслове, услышав крик.

Тот полный муки, лишенный разума крик, который издает человек за миг до того, как перестать быть живым.

Он бездумно рванулся на звук. Остановился, не сделав и двух шагов. Какое его, собственно, дело? Ну, нарвался кто-то на медведя – косолапый жил неподалеку, и у них с Альмодом было перемирие, основанное на взаимном уважении. Или просто зверю до сих пор было что жрать, и он не связывался с двуногими. Что бы там ни случилось, помочь уже точно не сможешь. Некому.

Но закричали снова – на этот раз женщина. И столько ярости было в этом крике, что Альмод забыл обо всех доводах разума и помчался туда, на крик, отчаянную ругань в два... нет, в три голоса и...

Гудение пламени. Он остановился, точно влетев в дерево. Не может быть. Двинулся вперед, теперь медленно и осторожно, но тело не слушалось, то и дело порываясь сбиться на бег. Снова застыл, когда ветви поредели, став почти прозрачными.

Ярдах в десяти, посреди поляны на берегу лесного озера бесновалась тусветная тварь. Плотное, переливающееся стеклянным блеском тело, мечущиеся хлысты-щупальца. Совсем рядом с тварью лежал человеческий костяк. Вот, значит, что это был за крик. Трое еще сражались. Двоих он знал.

Не удержат – Альмод понял это сразу, едва глянув на чистильщиков. Спроси его кто, с чего он так решил, пожалуй, ответить бы не смог. Просто знал, чуял тем нутряным чутьем, что не раз выручало его и его отряд. Может быть, по тому, какое лицо было у Хильд, когда с ее рук слетало пламя – она уже сама была уверена, что мертва, и продолжала драться лишь потому, что знала – смерть будет очень, очень болезненной. Может, по тому, как тяжело поднялся клинок в руках Свейна. Похоже, бой шел уже давно, изрядно измотав людей.

Третья... Альмод застыл, на миг забыв, как дышать. Этого не могло быть. Тира мертва. Погибла по наущению человека, которого он девять лет считал другом. Который когда-то спас ему жизнь, а много лет спустя попытался убить.

Эта девчонка никак не могла быть Тирой. Но... Та же пепельная коса до задницы. То же сложение: длинноногая, тонкая, кажется, талию можно обхватить руками, и пальцы сойдутся. Так же обманчиво легко порхал в руках меч-бастард.

Девчонка увернулась от щупальца, срубила его, на миг повернувшись правым боком. Хильд сожгла отлетевшее прежде, чем оно успело сползтись обратно к твари. Альмод медленно выдохнул. Совсем другой профиль, и шрам на всю правую щеку – похоже, от старого ожога. Младше – лет двадцать, наверное. Альмод разозлился на себя – он что, всерьез поверил в чудо? Мертвое – мертво.

Свейн срубил еще одно щупальце, Хильд снова бросила пламя, и в этот миг к ней метнулись сразу три щупа. Огонь безвредно скользнул по ним, увернуться девушка не успела. Как не успели ей помочь остальные. Незнакомая девчонка снесла одно щупальце, но два других ухватили Хильд. Она не крикнула – только засипела прежде, чем сдавившее горло щупальце оторвало голову. Тварь утянула в себя тело, чтобы через два удара сердца выбросить обратно голые кости. И меч из небесного железа, только таким и можно их рубить.

Альмод подумал: дурак, ой, дурак, куда же он лезет, узнают ведь и загонят, едва только битва закончится. И вообще, надо со всех ног лететь в Мирный предупреждать людей. Черных облаков перехода не было видно, значит, помощь задерживается. С каждым сожженным – зверем ли, человеком ли – тусветные твари становились сильнее, и одному Творцу ведомо, сколько сил наберет эта прежде, чем подойдут новые отряды. Но вместо того, чтобы бежать, он вылетел на поляну, швырнув огонь в очередное отлетевшее щупальце.

– Заговоренный? – вытаращился на него Свейн. – Ты же...

Договорить не успел, бестолочь, смотреть надо было на тварь, а не на внезапно воскресшего – как он считал – бывшего командира чистильщиков. Тварь своего не упустила, ухватив Свейна. Он закричал – надрывно, невыносимо. Девчонка срубила пару щупалец. Все, что сделал Альмод – остановил парню сердце, чтобы хоть не заживо сожрали. Еще один костяк лег

на выжженную траву. С тремя дымчато-алыми бусинами на запястье. Дорос, значит, Свейн до командира...

– Беги, – выдохнул Альмод. – Подмога сейчас будет.

О гибели командира чистильщики узнают почти мгновенно и высылают еще два отряда. Но переход по мирам не сплести за доли секунды. Которых хватило твари, чтобы одновременно кинуться на Альмод и на девчонку со шрамом. Альмод увернулся – вбитые за десяток лет навыки не подвели. Девчонка, измотанная боем, напуганная смертями друзей, не успела. Одно щупальце ухватило ее за ногу, второе обернулось вокруг ребер и хлестнуло по животу. Она закричала.

Можно было с чистой совестью делать ноги – в одиночку прорыв не удержать и несколько минут. Нужно было делать ноги – в новых отрядах наверняка будут те, кто его помнит, а значит, придется бежать только в том, что на себе, как уже было год назад. Но он перекатился, уходя от очередного хлыста, подхватил с земли меч. Исчезли перевившие весь мир плетения – небесное железо погасило дар. Альмод взвился, перерубив щупальце, что сдавило девчонке грудь. Отмахнулся мечом от еще одного. Девчонку поволокло к твари. Крик не смолкал.

Альмод снова метнулся, отрубая щупальце, что держало ногу. Ударил пламенем, прямо по живому, завоняло паленым мясом. Плетением отшвырнул искалеченное тело к краю поляны – церемониться было некогда, потому что тварь, упустив одну жертву, всерьез взялась за другую – Альмод метался по поляне, точно по горящим углям, ни на миг не останавливаясь. Какого рожна он вообще в это влез, дурень похмельный?

У самого озера начало собираться черное облако перехода. Вот теперь точно пора убираться, и чем быстрее, тем лучше. Осталось одно. Он рыбкой сиганул над самой землей – щупальца метнулись в дюйме над головой. Приземлившись, подхватил кожаный шнур с тремя бусинами с останков Свейна, – изъеденные связки не держали кости руки, и они рассыпались. И рванул к краю поляны, где уже не шевелилась девчонка. Плетением затащил ее в кусты, чтобы не увидели явившиеся чистильщики. Хотя им явно пока не до того.

Где-то там за спиной бесновалась тварь, коротко и четко отдавал приказы командир, ревело пламя. Альмод не обращал на них внимания.

Обычно тусветные твари походят на рой, собранный из стеклянных бусин. Попад на тело – хоть человека, хоть зверя – они стремительно жрут, и, набравшись сил, стекаются в единое существо, которое хватает все живое, до чего может дотянуться. Три четверти века назад твари превратили столицу и окрестности в стеклянную пустыню, где до сих пор не было даже пауков. Десять лет назад сожрали Озерное: Альмод видел, что осталось от городка, и это долго снилось ему в кошмарах. Отчасти потому, что он был одним из тех, кто не удержал тот прорыв. Единственным, кому удалось выжить.

Но хуже всего, что даже несколько «капель», попав в живое тело, уходили глубоко в плоть, и насытившись, начинали делиться. Вроде бы нечасто – примерно раз в полминуты. Через две минуты – восемь. Через пять – больше тысячи.

С того мига, как щупальце ухватило девчонку и до того, как Альмод рухнул на колени рядом с ней, убравшись с глаз чистильщиков, прошло не больше сотни ударов сердца – когда речь идет о жизни и смерти, время становится удивительно медленным. Но и тварь ей досталась не одна. Большую часть удалось спалить прежде, чем они ушли в тело – хотя это и стоило несчастной глубоких ожогов. Но не все твари сдохли, далеко не все, и сейчас они жрали ее изнутри.

Девушка уже не кричала – не хватало ни сил, ни дыхания. Только часто-часто ходили ребра, точно у уставшей собаки, да зрачки от боли стали огромными, оставив от радужки лишь тонкий серый ободок.

Альмод работал лихорадочно быстро, давненько ему не приходилось плести в полную силу. Да и практиковаться именно в этом плетении тоже особо не доводилось – новое оно

было, авторское, придуманное одним башковитым пацаном. Любая жизнь – хрупкий баланс созидания и разрушения, если сместить его в сторону разрушения, наступает смерть.

Беда была в том, что плетению все равно, кого убивать – тварей ли, человека ли. «Бусины» и без того превратили легкие девчонки в решето, задели сердечную сорочку, чудом не зацепив само сердце, и добавлять не стоило. По сравнению с этим полоса проглядывающих ребер, обглоданная до кости голень и ожоги – сушая ерунда. Мясо нарастет, если жива останется.

Неверное, надо было просто остановить ей сердце. Альмод никогда не был излишне жалостлив: убежать от смерти не удалось почти никому. Даже если к тому моменту, как он вычистит всех тварей, девчонка не отправится к Творцу, вероятность вытащить ее будет совсем невелика. Здорово он сглупил. И чего ради? Неужели только потому, что она на миг напомнила ему Тиру? Или ради другой девчонки, которой твари точно так же прогрызли грудь, и она неделю выкашливала омертвевшие легкие, а ему самому только и оставалось, как беспомощно наблюдать?

Дурень сентиментальный. Старее, что ли?

За спиной снова закричали – похоже, тварь достала еще кого-то.

– Гейр, помоги ему! – раздался напряженный голос... чей же? Магни. Старый приятель, один из немногих, кто протянул в ордене дольше пяти лет. А второй командир, значит, Гейр. Неплохой целитель. Если тому, кого зацепила тварь, вообще можно помочь, Гейр его вытащит. Альмод перестал об этом думать, у Гейра свои заботы, у него свои. Лицо девчонки стало серым, нос заострился, губы посинели. Стоило поторопиться. Так, с тварями покончено. Срассить перебитый бронх. Восстановить хотя бы одно легкое, чтобы было чем дышать, на второе все равно сейчас сил не хватит. И в печени дыра, кровит, мать ее так и разэтака...

Губу защекотало – из носа потекла кровь. Только этого не хватало. Он стер каплю пальцами, растерев ее, зажег между ними огонек. После того, как его в первый раз поймали, завел привычку нигде не оставлять следов крови. Глупо, ведь в ордене хранился образец. Но привычка въелась в нутро, и сейчас это стоило Альмоду части и без того немногих оставшихся сил. Впрочем, неважно. Все равно надо останавливаться. Если начнет упорствовать, продолжит плести – кровь пойдет горлом, а потом – потеря сознания и смерть. Еще чего не хватало, сдохнуть ради совершенно незнакомой девки.

Так, с чем там еще надо разобраться прямо сейчас? В груди все сосуды собрал. Нога. Чтоб тебя... Альмод прошелся плетением, наскоро соединяя прогрызенную тварями вену. Повезло, что не артерия, уже истекла бы кровью. Или не повезло, как посмотреть.

Что теперь? Оставить ее тут, авось, чистильщики, разобравшись с тварью, хватятся недостающего костяка, станут искать и найдут? А если не найдут? Зря возился, получается? Или, найдя, сообразят, что возился с ней кто-то одаренный, и захотят с этим самым одаренным познакомиться поближе? Нет, оставлять нельзя.

Альмод подхватил девчонку на руки – как ни старался не причинять лишней боли, она все же потеряла сознание. Придется нести к себе. В землянку, показывать девчонку в городе было нельзя. Мигом чистильщики прознают.

За спиной по-прежнему ревел огонь, ругались чистильщики, но дожидаться, чем кончится бой, Альмод не стал. Справятся, с помощью Творца. А и не справятся – один он ничем им не поможет. Тут эту бы живой дотащить, следов не оставив. Впрочем, следопыты из чистильщиков аховые, а он пойдет звериными тропами. Все равно человеческие к его землянке потоптать было некому. Может, и повезет, не найдут. А если совсем повезет – еще и девчонку живой донесет.

Нет, все же он здорово сглупил. Творец с ней, с девчонкой, помрет так помрет, выживет – там и будет думать, во что это ему отольется. Но вот образцы с руки мертвого командира он взял совершенно зря. Капля крови, заключенная в дохлую, обработанную плетением

тварь. Командир всегда держал образцы своих бойцов при себе, чтобы можно было легко найти любого из них. И когда тварь добыт и начнут прибирать тела, пропажу обнаружат.

В тот миг это казалось разумным – ведь если оставить образцы чистильщикам, они отыщут девчонку по крови, а с ней и его самого. Дважды дезертиру – первый раз Альмод пытался бежать из ордена через год как попал туда – была уготована виселица. Но пропавшие образцы тоже взбудоражат чистильщиков. На мародера не спишешь, не найдется такого мародера, что останется жив, столкнувшись с тусветной тварью. И на диких зверей тоже, не валялись тела без присмотра. Значит, будут его искать. Дурак, ой, дурак...

2

Землянку Альмод выстроил сам. Сам копал землю, сам рубил деревья и тесал их под опорные столбы. Сам перекрыл крышу, застелив дерном. Сам прокопал вокруг канавки, чтобы по весне вода ушла по ним, не залив его логово. А вот тащить из города доски для мебели пришлось с помощником – городским дурачком, глухонемым.

Работать руками Альмода научил отец в те дни, когда он возвращался из университета домой на каникулы. Отцу пришлось много повоевать: и защищать границы, и участвовать в междуусобицах, когда умер прежний король, и на престол сел вовсе не нынешний, прозванный Разумником, а старший принц. Альмод поначалу кривился – не дело благородному руки трудить.

Начал отец с того, что отвесил ему затрещину. Рука у родителя была тяжелая, дурь всякую из головы выбивала мигом.

Впрочем, он потрудился и объяснить. Дескать, представь, что застрял ты со своим отрядом где-то, куда ворон костей не заносил. Война – дело неспешное, умирать никому не хочется, так что стоять вы можете и неделю, и месяц, а то и полгода. И что ты будешь делать? Сидеть в шатре, то промокшим под дождем, то холодном, то жарком, хлюпать носом и наблюдать, как опускаются твои люди, тоже уставшие от вечной неустроенности? Или велишь им взяться за лопаты и топоры, чтобы через пару дней у тебя и твоего копья было удобное, теплое и сухое жилье?

Альмод попытался было заявить, что не самому же топором махать, едва не схлопотал очередную затрещину и услышал, что человек, не умеющий сделать как следует, не сможет ни приказов путных отдать, ни понять, правильно ли их выполняют. Так что вот тебе лопата – вперед. Тогда он повиновался, но долго ругался про себя. Ему, одаренному, титул было не унаследовать, хоть отец и усыновил бастарда по всем правилам еще до того, как проявился дар. И отрядом едва ли доведется командовать.

Титул Альмоду так и не достался, а вот отрядом командовать довелось. Не таким большим, как копьё – тройкой чистильщиков. В ордене его прозвали Заговоренным – при том, что половина чистильщиков не переживала двух лет от посвящения, он проходил десять, девять из них – командиром. Пока его не предал старый друг, возжелавший места Первого, главы ордена.

Наверное, Альмод должен быть ему благодарным. Если бы тогда все не пошло кувырком, ему не удалось бы вырваться от чистильщиков.

Альмод убил бывшего друга ножом в спину.

Он убил бы его снова. За то, что очутился в Мирном гол как сокол, лишь в том, что на себе, с одним ножом, даже без путного меча. За Тиру. За то, что в ордене его самого до сих пор считали свихнувшимся убийцей, поплатившимся за свои злодеяния. Впрочем, этим он был обязан не только старому другу, но и тому самому башковитому пацану, что придумал плетение, позволяющее спасти человека от тварей, проникших в тело. Мог бы попросить приятеля, возвращавшегося в орден, рассказать хотя бы часть правды, но парни предпочли подтвердить чужую ложь. Боялись, что правде никто не поверит. Не то чтобы Альмода хоть немного беспокоило мнение бывших соратников. Кто его хорошо знал, тот все равно не поверит, а на глупцов ему всегда было плевать. Но где-то глубоко в душе до сих пор сидела горечь.

Он отогнал непрошенные воспоминания, занес девчонку в землянку. Внутри пахло хвоей – как раз накануне он застелил пол свежим лапником. В углу у входа – очаг, с волоконным оконцем над ним, чтобы уходил дым. У стены, в дальнем от очага углу – лежанка, у противоположной – стол, над ним – полка с посудой и всякими мелочами, рядом сундук, он же лавка. А больше ему ничего и не надо.

Одному тут было удобно, вдвоем, пожалуй, окажется тесновато, но если дождь закончится и после погода постоит, можно и в самом деле заночевать в лесу рядом с землянкой. А нет – Альмод и на полу уместится, невелика беда.

Он зажег светлячок, уложил девушку на лежанку. Успел испугаться, коснувшись ледяной кисти, и еще сильнее – когда не сразу удалось нащупать жилку на шее. Пульс под пальцами едва ощущался, даром что сердце стремительно колотилось. Плохо, очень плохо. Альмод поймал его ритм, заставил биться чуть медленней, чтобы успевало наполняться и гнать кровь по жилам.

Девчонка едва слышно застонала, распахнула глаза, уставившись безразличным взглядом в потолок. Вот так-то лучше. Альмод собрал ошметки второго легкого, чтобы начинало восстанавливаться. Потом придется доделывать, но не сегодня. Сегодня еще ожоги. Хотя бы самые глубокие.

Альмод расстегнул на девчонке перевязь, взял ее нож и начал срезать одежду, все равно она уже не годилась даже на ветошь. В безразличном взгляде раненой промелькнуло что-то, похожее на страх. Она потянулась к нитям, но плетение рассыпалось, не успев сложиться. Девчонка дернулась – едва ли от боли, в сравнении с теми ранами, что оставила тварь, и ожогами, сорвавшееся плетение было не страшнее комариного укуса. Опять безуспешно потянулась к нитям, из носа по щеке потекла кровь. Рука слабо дернулась к бедру – туда, где должен был быть нож. Не дотянулась, пальцы вцепились в овчину, застилавшую лежанку. Снова дернулась, медленно и слабо, хотя самой, наверное, казалось, что быстро. Ухватила пустоту – и в глазах появился самый настоящий ужас.

До Альмоды, наконец, дошло.

– Я не собираюсь тебя е... – Он проглотил грубое словцо, совсем одичал, – насиловать.

За кого она его вообще принимает? Кем нужно быть, чтобы помыслить о соитии с беспомощным изуродованным телом, в ранах, ожоговых струпьях и сукровице?

С другой стороны, что она могла подумать, обнаружив рядом высокого широкоплечего мужика, который рвет с нее одежду? Что эта небритая похмельная морда – целитель? Что лоскуты ткани, прилипшие к ожогам, вовсе не ускоряют их заживление?

Девчонка не поверила, одной рукой попыталась перехватить его запястье, второй – прикрыть грудь. Очень неплохую, между прочим, в других обстоятельствах он бы, пожалуй, посмотрел... Альмод мысленно выругался. Нашел время! А вот незачем было год от женщин нос воротить. Сейчас бы не думал о чем попало, точно отрок, впервые титьку увидевший. Даром что сам вот-вот свалится, исцеляющие плетения нещадно тянули силы, причем не только из целителя, но и из исцеляемого.

Ни оттолкнуть, ни прикрыться у нее, само собой, не вышло. Рука, ухватившая его, по-прежнему казалась ледяной, а это значит, что сердце не справляется.

– Ожоги, – сказал Альмод. – Раны. Сейчас меня интересуют только они. На сиськи за свою жизнь я наглядился предостаточно, так что не дури.

Губы девушки дрогнули, ему пришлось склониться к самому лицу, чтобы расслышать:

– Нож... верни.

Альмод усмехнулся. Положил рядом с ее рукой нож. Синие пальцы сомкнулись на рукояти. Беспокоиться по этому поводу Альмод не собирался. Сейчас у девчонки не хватило бы сил даже комара прихлопнуть. И все же ее отчаянное упорство подкупало. Одной... да что там, обеими ногами на том свете, а все брыкается.

– Исподнее тоже придется срезать, уж извини, – сказал он. – Вот здесь, – он взял ее руку, положил рядом со следом от щупальца – покрытой струпьями и сочащейся сукровицей полосой, что наискось пересекала живот, спускаясь к тазу. Прожрать до кишок тварь не успела, Альмод срубил ее и тут же сжег, в нижней части раны дойдя огнем почти до кости.

Девчонка попыталась себя ощупать, он удержал ее за миг до того, как пальцы влезут в саму рану. Не то чтобы она могла сделать хуже, куда уж хуже-то, но щупать свежий ожог – удовольствие небольшое. Она дернулась, Альмод выпустил ее руку прежде, чем поднялась вторая, все еще сжимавшая нож.

– Покажи, – прошелестела девушка, пытаясь поднять голову.

Альмод осторожно подsunул руку под плечи – девчонка вскрикнула, – помогая приподняться. Она глянула на себя, зажмурилась на миг. Обмякла, опустив веки. Альмод уложил ее обратно.

– Спасибо...

– Потом скажешь. Когда выкарабкаешься.

Если выкарабкается. Хотя если она будет цепляться за жизнь так же отчаянно, как только что тянулась к оружию – справится.

Уголки губ дернулись, пытаясь сложиться в ухмылку. Улыбка у нее была неровной – сказывался шрам во всю щеку. Старый, похоже, обожглась совсем маленькой, до того, как проявился дар. Когда попала в университет, было поздно что-то предпринимать. Еще один шрам вздергивал конец левой брови. Этот был относительно свежим, от школярского поединка, скорее всего. Явно специально не стала сводить.

Наверное, когда она была здорова, эта кривая улыбка в сочетании с вечно поднятой бровью придавала ей невероятно ехидный вид. Но сейчас, на сером лице с синими губами... Смотреть на это оказалось неожиданно больно. Альмод в который раз выругался про себя – еще немного, и над уличными котятками рыдать начнет. Совсем плох стал. От усталости, что ли. Он шмыгнул носом, ругнулся уже вслух. Закашлялся, сплюнул в очаг кровь. Потом сожжет, вместе с тем, что осталось от одежды девчонки.

– Пока все, – сказал он.

На самом деле далеко не все, он затянул лишь самые глубокие ожоги да наметил восстановление сожженных мышц, пока не поздно, иначе потом не нарастут. Но еще работать и работать. Самое паршивое в обширных ожогах – не боль, и даже не само повреждение, а то, что сожженные ткани превращаются в яд, который всасывается в кровь и отравляет тело. Так что затягивать исцеление не стоило. Но для этого нужно хоть немного отдышаться.

Светлячок мигнул и погас, оставив их в полной темноте. Альмод вздохнул – сил ругаться уже не было. Пошатываясь, добрался до двери, благо, всего три шага. Высунулся под дождь, почти его не чувствуя, хотя в голове немного просветлело. О, надо ведь и самому переодеться... если сил хватит. Преодоление четырех шагов до сундука сейчас казалось подвигом, равным пешему путешествию до столицы, на которые обычно уходило три месяца.

Он в несколько приемов, точно глубокий старик, поднял крышку сундука, достал оттуда одеяло из волчьих шкур – благодарность охотника, которому Альмод спас ногу. Укрыл девчонку.

– Спи пока. Отдышусь немного, продолжим.

Она едва заметно кивнула. Но вместо того, чтобы закрыть глаза, спросила:

– Где остальные?

А то она сама не видела. Вылетело из головы после того, как едва не сожрали? Не хочет верить?

– Пусть Творец примет их души.

– Не мой... отряд, пусть Творец... – она осеклась, длинно и неровно вздохнув. – Подмога...

– Понятия не имею, – соврал Альмод. – Не до них, слишком занят был.

– Драпал? – ухмыльнулась она.

– Именно. – Он дернул щекой, отворачиваясь.

Снова сунулся в сундук за сухой одеждой. Драпал. С ней на руках. А должен был, видимо, доблестно сложить голову. Или покорно сдаться.

А, собственно, какого рожна он ищет себе оправдания? Он отдал ордену десять лет и больше ничего им не должен. От чистильщиков не уходят – но ему удалось, и каяться в этом Альмод не намеревался.

За спиной зашебуршало. Он оглянулся – девчонка пыталась сесть. Само собой, безуспешно.

– Если... – Она откинулась на спину, тяжело дыша. На лбу проступили бисеринки пота. – мертвы... Тварь... город... – Она опять попыталась подняться. – Предупредить.

– Если чистильщики мертвы, предупреждать поздно.

Альмод совершенно потерял счет времени, пока с ней возился, но от поляны, где появилась тварь, до его логова было не меньше получаса хорошим шагом. Значит, прошло куда больше часа. Сколько мог длиться прорыв, не знал никто. Может, закрылся, едва Альмод ушел оттуда, и тогда чистильщикам оставалось только прикончить тварь. Может, до сих пор открыт, и, значит, шансы выжить у них невелики: добив чистильщиков, тварь двинется к городу, сжирая все на своем пути и становясь сильнее с каждым оставленным костяком. Если все чистильщики мертвы, то она уже туда движется, и догонять действительно поздно.

Но будь он проклят, если пойдет проверять. Он сейчас до родника, что в сотне ярдов отсюда, не доберется, не споткнувшись по дороге. Не прошел бы посвящение чистильщиков, раскрывающее истинные возможности тела и разума, сдох бы уже с полчаса как, вытянув в исцеляющие плетения все силы. Досуха. Впрочем, если чистильщики действительно мертвы, до города прежде твари он не успел бы, даже если бы был полон сил. Альмод пожал плечами.

– Все в руках Творца. Мы можем разве что молиться.

– Ссс...волочь. Сама... пойду.

– Вперед, – фыркнул он. – Не держу.

Отвернулся, стягивая рубаху. Вылезать переодеваться под дождь он не собирался. Эка невидаль, голый мужик в шрамах, можно подумать, она к своим – двадцати? – ничего подобного не видывала. А не видела, так отвернется. Не до стыдливости, тут в штанах бы не запутаться да не свалиться, прилетев лбом в косяк, или, того хуже, в камни очага.

За спиной всхлипнули. Альмод обернулся. Девчонка сбросила одеяло и пыталась сползти с лежанки – у нее получилось только сдвинуться на пару дюймов. И плакала.

Он вздохнул. Наклонился за одеялом – чтобы выпрямиться, пришлось опереться на лежак. Произнес так мягко, как только мог:

– Думаю, все хорошо, и твои соратники живы. Но даже если я ошибаюсь... прости, но добраться до города прежде твари я не успею. Никто не успеет.

Он снова укрыл ее одеялом. Не будь она чистильщицей, усыпил бы, и вся недолга. Ему самому безумно хотелось свернуться калачиком на сундуке и провалиться в темноту. Только все-таки переодеть промокшие под дождем штаны. И развести очаг, спалив то, что осталось от одежды девчонки, и заодно кровавый плевок. И образцы... совсем он ума лишился с устатку: чтобы сжечь образцы, пламя должно быть ярко-желтым, такого без плетений не получить, а плести он неспособен.

– Ты сражался... Так почему сейчас?..

– Дурак, вот и влез, – буркнул Альмод. Сунулся в ворот свежей рубахи. Будь проклято женское любопытство. Языком еле шевелит, а туда же, почему да зачем. – А сейчас от меня и вовсе толку, сама посуди... – Он зажег свечечку, тот снова мигнул и погас. – Умеешь молиться – молись. Хотя лучше просто поспать. Нам обоим понадобится много сил.

– Свейн назвал тебя заговоренным.

Альмод пожал плечами. Снова отвернувшись, начал стягивать штаны.

– Что... – Она осеклась.

– Не хочу спать в мокром.

Переодевшись, он повесил одежду сушиться у очага, снова подумал, что надо бы огонь разжечь, но кресала и трута он не держал с тех пор, как проявился дар. Поди, сейчас и не вспомнит, что с ними делать. Ладно. Потом. Все потом.

– Ты сможешь уснуть, не зная, что с тварью?

Отвечать Альмод не стал, смысл отвечать на глупые вопросы. Он —сможет. Сейчас он уснул бы и на ступенях собственной виселицы, так вымотался. Да и вообще, смысл изводить себя страхом и сожалениями, когда ничего не можешь изменить?

– А если тварь двинется не в город, а в лес?

– Тогда мы умрем.

– И тебе все равно?

Он закрыл дверь, добрался на ощупь до сундука.

– Я – Нел, – прошелестело из темноты. А ты?

Он помедлил.

– Альмод.

– Свейн назвал тебя заговоренным, – повторила Нел. – Альмод Заговоренный. Командир, который проходил десять лет. Прежде чем сошел с ума и убил Первого и еще двоих.

Альмод скрипнул зубами, помянув недобрым словом пацана. Точнее, двух пацанов.

– Почему ты молчишь? – настаивала она.

Потому что не намерен ни объясняться, ни оправдываться. Ни сожалеть о том, что влез совершенно не в свое дело. Но едва девчонка встанет на ноги, нужно будет уходить из Мирного. Может, оно и к лучшему. Засиделся.

Разбудил его стук в дверь. Колотили так, будто имели право вытащить его из кровати и уволочь... неважно, куда. Парни Харальда? Больше ни у кого столько наглости нет. Но откуда бы узнали? Альмод никому не рассказывал о своем логове. Даже когда строил, не просто так взял в помощники городского дурачка. Глухонемой не разболтает, даже если захочет, мычанием много не разболтаешь. Показать, конечно, мог, но до сих пор тайну хранил. Хотя сейчас могли и заставить, конечно.

Когда Альмод только появился в Мирном и заявил о себе как о целителе – надо же было что-то есть, – Харальд попытался нанять его на жалование. Хромой все время боялся, что его отравят, даже завел мальчишку, пробовавшего всю еду. Думал, на ребенка яд подействует быстрее, быстрее понятно будет. И хотел бы держать при себе целителя.

Альмод отказался, не выбирая выражения. Вовсе не потому, что исцеляющие плетения не слишком хорошо справлялись с ядами. И не потому, что предложенное жалование было смешным даже по меркам пацана, только-только получившего перстень полноправного ода-ренного. Он не собирался ни от кого зависеть.

Харальд отказа не понял, и как-то вечером в дом – Альмод снимал угол у вдовы с ребенком – появились два телохранителя Хромого. Объяснить непонятливому, что не на того он пасть разинул.

Объяснение вышло коротким. Альмод даже за меч браться не стал, обошелся кочергой, да плетениями, само собой. Второй раз Харальд пытаться не стал. Парни его зыркали злобно, но не лезли. Так что случилось сейчас? Или это не они?

Стук повторился. Сдвинулся засов – кто-то подцепил его плетением. Альмод выругался, распахнул дверь. Поднырнул под низкую притолоку, сощурившись против света.

И оказался лицом к лицу с Гейром.

3

За спиной чистильщика маячил деревенский дурачок, смотрел в пространство пустым взглядом. Значит, подчинили разум.

– Ты! – выдохнул Гейр.

Ответить Альмод не успел. Порвал плетения, едва не размазавшие его о дверь. Гейр зашипел сквозь зубы. Швырнул язык пламени, Альмод увернулся от огня. Дурачок отмер, рванул прочь, но было не до него.

– Убийца! – рыкнул Гейр.

Альмод попытался отбросить его плетением, но тот тоже не первый день на свете жил. Разорванные нити отозвались головной болью, точно шило в висок загнали.

– Я не убивал Первого! – крикнул он, надеясь на то, что Гейр всегда был разумным парнем.

– Ага, – ощерился тот. – И Ульвара тоже.

– Нет. Его убил.

Дернула Альмода нелегкая открыть дверь, не взяв оружие.

– Вот за это и умрешь.

– Что там? – послышалось из землянки. – Кто? Гейр?

Твою мать, как же не вовремя!

Гейр потянул из ножен меч. Альмод выругался. Поднырнул под клинок, уходя в сторону и разворачиваясь. Ухватил запястье гостя, дернул, выламывая. Подхватил выпавший из руки меч, отступил на шаг и рубанул по загривку. Он и так слишком долго пытался его не убивать.

Нел в землянке закричала – отчаянно, безнадежно. Ну да, в открытую дверь с лежанки было видно все. Чтоб тебя... Додумывать Альмод не стал – некогда. Со всех ног рванул за дурачком. Мчался тот отчаянно, здорово, видать, напугался. И орал во все горло. Не орал бы – ушел, поди найди его в глухом лесу. А так Альмод все же его догнал. Не останавливаясь, собрал воздух под ногами беглеца в густой студень. Дурачок споткнулся, замахал руками, пытаясь удержаться, и, вместо того, чтобы упасть вперед, завалился в сторону. Виском в сосновый ствол.

Когда Альмод, тяжело дыша, остановился над ним, сделать уже ничего было нельзя.

Он тоскливо выругался. Убивать глухонемого было вовсе незачем – подчинил бы разум да заставил забыть, что случилось. Хотя, наверное, так даже к лучшему, и все же...

Твою ж мать!

Он оперся о сосну, чтобы отдышаться, но через миг вспомнил – и рванул обратно едва ли не быстрее, чем только что летел за дурачком. Гейр стал командиром, еще когда Альмод ходил в ордене. Значит, пророку, что сегодня оставался на бдении, уже известно о его смерти.

Что они станут делать? Прорыв закрыт, иначе бы Гейр не бродил по лесу. Получается, новые отряды не пошлют. На памяти Альмода командир погиб не на прорыве только один раз. Лошади понесли и вывернули весь отряд из повозки. Усыпить их то ли не успели, то ли не сообразили.

Тогда никого ни о чем не оповещали, пока отряд не вернулся— Альмод узнал о случившемся раньше других только потому, что Тира была пророчицей и оказия произошла во время ее бдения. Может быть, и теперь не пошлют людей проверять, но надеяться на это не стоило.

Он вернулся к землянке, в который раз помянул недобрым словом чистильщиков, всех их родичей и нездоровые пристрастия. Трава здесь, под густой тенью сосен, почти не росла, не истоптали. И все же – кровь, тело, валяющийся рядом меч. Хорошо, что никого демоны не принесли.

И тишина, нехорошая такая. Девчонка должна бы рыдать или крыть его последними словами. Сбежала? Едва ли, сил у нее должно было прибавиться за прошедшие... – он глянул на небо – полдня, но не настолько, чтобы удрать. Ожоги, обглоданная до костей нога и опоясывающая рана, выеденная тварью вокруг нижних ребер – такое быстро не пройдет. Но проверять было некогда.

Альмод вернул в ножны меч Гейра, перекинул труп через плечо. Отнес к медвежьей берлоге – хозяин, по счастью, где-то бродил, такой туше прокормиться непросто. Альмод опустил тело лицом вниз, вложил в руку меч. Вроде винить себя не в чем – парень сам наварлся, – и все равно паршиво. Дурень, вот ведь дурень, ну зачем же он...

Сходил за телом дурачка, принес его туда же. Медведь уже вернулся, начал жрать. Альмод усыпил его прежде, чем тот заметил гостя. Едва удержался от соблазна спалить к ядреным демонам все. Вместе с медведем. Не заслуживал Гейр такого, никак не заслуживал. До чего же паршиво все вышло.

А зачем Гейр, собственно, вообще пошел его искать? Кто-то рассказал, что в Мирном есть еще один одаренный, кроме парней Харальда, и Гейр узнал его по описанию? Вряд ли, обычно местные держатся от чистильщиков подальше, и правильно делают. А им самим обычно нет дела до того, что творится в местах, куда их заносит. Заночевали, подлечили раненых, если есть, и ушли.

Раненые! Кого-то из парней тварь зацепила. Могло ли быть, что Гейр, измотанный боем, понял, что самому не справиться, и, услышав, что в городе есть лекарь, решил попросить – потребовать, судя по тому, как настойчиво он ломился – помощи? Да, пожалуй, так и было. Кто ж знал...

По крайней мере, тварь они добились, и городу ничего не грозит. Это хорошо. И больше ничего хорошего в случившемся не было. Дурачок никому не нужен, но Гейра хватятся. Не сразу, когда начнет темнеть. Но ночью искать не пойдут, подождут до утра, а там возьмут проводника. Если повезет – найдут обглоданные тела и успокоятся. С разъяренным медведем даже чистильщику справиться нелегко: зверь раз в пять тяжелее взрослого мужчины, когти у него длиной в палец, и бегают он со скоростью хорошей лошади. Если Гейр обессилел, возясь с раненым, мог и в самом деле не успеть ничего сплести. Повезет – в это поверят.

Но если не повезет, поймут, что дело нечисто и начнут искать. А значит, надо уходить. Забрать из сундука сменную одежду, припасенные деньги, набрать воды, открыть переход и уйти. В прошлый раз и того не было, ничего, выжил. Так куда бы податься?

Куда он, так и разэтак, пойдет, когда у него на руках полумертвая девчонка? Бросить ее одну в землянке – милосердней будет сразу прирезать. Заодно пустив прахом все свои труды после того, как столько провозился. Альмоду захотелось постучать лбом о ближайшую сосну – может, мозги на место встанут. Зачем, зачем он вообще в это влез, герой недоделанный?

Вернуться в город, попросить кого-нибудь позаботиться о Нел? Так Мирный только называется городом: на одном краю чихнут, на другом здоровья желают. Если чистильщикам нужен целитель, значит, об этом уже каждая собака знает. Прямо у ворот возьмут его под белые руки и к чистильщикам сопроводят, где бы они ни остановились. Исключительно из лучших намерений: дескать, и целителю заработок, и чистильщикам услуга, авось, что-то перепадет.

Выслужатся, это точно. Положим, скольким-то Альмод сможет подчинить разум, но не всему же городу!

Покараулить неподалеку, пока не появится кто-то из знакомых? Охотники и золотоискатели не торчат в городе постоянно, ходят туда-сюда. Может, и выгорит. Но препоручить заботу о девчонке пустому, кому-то, у кого нет дара, – все равно, что бросить ее умирать одну. Только не от жажды и голода, а от ран. Такие за один раз не излечишь, плетения нужно регулярно подновлять, иначе рассыплются сами собой. Ожоги – кстати, до конца так и не долеченные

– непременно воспалятся. И изъеденное тварями тоже. Пожалуй, смерть от жажды не столь болезненная. Хотя кому и когда довелось сравнить?

А из одаренных в Мирном только он сам да парни Харальда. Альмод святым себя никогда не считал, но с этими и пить за одним столом не стал бы, не то что просить присмотреть за раненой. Это здоровая и среди своих она чистильщица, которую даже самые безрассудные не рискнуть трогать. А сейчас – беспомощная девка, с очень дорогим магистерским перстнем на пальце и еще более дорогим мечом. Сгинула – и поминай, как звали. Разве что на награду от чистильщиков позарятся... Он поразмыслил еще и понял, что совершенно не в силах предсказать, как именно поступят Варди и Стейн, да и сам Харальд.

Да и не вытащат они ее. Альмод до сих пор сам не был уверен, что справится. Столько возни – и все насмарку. Жизнь дороже? Он горько усмехнулся – на собственную жизнь ему было наплевать очень давно. Он должен был умереть одиннадцать лет назад под кнутом, и все, что случилось с тех пор, считал насмешкой Творца. Одно время поверил было, что ему есть ради кого жить, и совершенно зря.

Нет, врать себе – последнее дело. Вовсе не из желания помочь бывшим соратникам он влез в драку с той тварью. И не из человеколюбия тащил с того света девчонку. Просто в те минуты он – впервые за последний год – чувствовал себя живым.

А, значит, никуда он не уйдет.

Он кивнул сам себе. Пусть приходят. И еще посмотрим, кто кого.

И в следующий миг вспомнил, что не закрыл дверь землянки. Не до того было. А в этом лесу кого только не водилось.

Ругнувшись, Альмод спугнув какую-то птицу и побежал. Кажется, за сегодня он набегается больше, чем за весь последний год.

Он успел вовремя – как раз увидел, как в дверь землянки шмыгнула серая тень. Обычно волки охотятся стаей и ночью, но старатели и пастухи поговаривали, что в окрестностях появился одинокий матерый. Альмод, не останавливаясь, заорал во все горло, зверь метнулся обратно. Но вместо того, чтобы сбежать, прыгнул прямо на него, целя в мягкий живот.

Альмод отскочил в сторону, выбросил в волка поток пламени. Промазал, только хвост подпалило. Зверь взвыл, в носшибанул запах паленой шерсти. Приземлился, но снова припал к земле, готовясь к прыжку. Должен бы убежать. Бешеный? В этот раз Альмод не промахнулся, по земле покатился пылающий комок. Еще одно плетение, останавливающее сердце. Поток воды сверху, не хватало лесного пожара, мало ли, что дождь утром шел.

Шагнув в землянку, Альмод замер на пороге, чувствуя, как развязывается холодный узел в животе. Успел.

Нел тоже обмякла, шумно выдохнув. Кажется, до того она пыталась то ли сбежать, то ли помочь Гейру. Только хватило ее лишь на то, чтобы скатиться с лежанки. Увидев Альмоду, дернулась, сиюсь приподняться на локте. Тщетно.

Альмод кивнул сам себе и выглянул наружу. Скривился – мокрая паленая шерсть воняла еще хуже, чем сухая. Оглядел пятачок у землянки. Удачно вышло, теперь можно объяснить и истоптанную землю, и подпалины. Он прошелся огнем еще в паре мест, где на сухих иголках оставалась кровь. Падаль уберет позднее, пока не до того.

– Ну и куда собралась? – хмыкнул Альмод, вернувшись к Нел.

Она зыркнула зло, сжала губы. Уже не синие, и то хорошо. Снова дернулась и бессильно растянулась на лапнике. Альмод присел рядом.

– И охота было задницу царапать?

Обожженным телом по лапнику. Твою ж...

– Убийца, – прошипела она.

Альмод криво усмехнулся, подхватил ее на руки. Горячая, что печка, все-таки яд от ожогов пошел в кровь.

И едва не схлопотал ножом в шею. Болван расчувствовавшийся. Он успел отбросить девчонку на лежанку. Нел вскрикнула, ударившись, стиснула зубы. Нож не выпустила. Альмод сжал ее запястье, другой рукой выхватил из ослабевших пальцев нож. Всадил со всей дури в дюйме от лица девушки. Она вздрогнула, но взгляд не отвела. Глаза у нее были синие, яркие. Не страх в них плескался сейчас – ненависть. Незамутненная.

– На ноги встанешь – маши ножом, сколько влезет. А пока подумай, кто из-под тебя дерьмо выносить будет, если я сдохну?

– Пошел ты...

Дальнейшая тирада заставила Альмоду восхищенно расхохотаться. Интересно, кто ее научил этак заковыристо заворачивать? Девчонка, прикусив губу, потянулась к ножу. Попыталась выдернуть – пальцы соскользнули с рукояти. Альмод не был уверен, что у него самого получится вытащить его из дерева с одного раза, не раскачивая. Но девчонка не сдавалась, потянулась снова. И снова. Вот ведь, упертая.

Альмод прошелся диагностическим плетением. Да, тянуть нельзя. Надо долечивать ожоги, а потом убирать лихорадку. И мышцы собирать. Связался, на свою голову.

– Да уймись ты уже, – рыкнул он, пресекая очередную безуспешную попытку.

– Зря стараешься. Я все равно тебя убью... – Она судорожно втянула воздух сквозь стиснутые зубы, когда тела коснулись плетения. – Первого я не... знала, и Ульвара тоже. Гейр был...

Уж не любовником ли? Впрочем, ему-то что за дело. Гейр сам наварлся. Сам.

– ... моим другом. Так что лучше убей, иначе я...

– Сейчас ты убьешь разве что комара, у которого были давние нелады со здоровьем, – фыркнул Альмод. – Так что заткнись и не мешай.

Она отвернулась. Перестала тянуться к ножу, попыталась нащупать край одеяла, завернуться. Не вышло. А каково ей лежать абсолютно голой перед врагом?

– Закончу – найду тебе одежду, – сказал Альмод. Несколько запасных рубаш у него было, не жалко. Вот штаны его на ней не удержатся. Впрочем, об этом можно подумать потом. Губу защекотала кровь. Хватит на сегодня. Доживут оба до завтра – продолжит. Еще не хватало встретить тех, кто за ним придет, беспомощным, точно... Нел сейчас.

– Зачем? – прошептала она, когда Альмод приподнял ее, надевая рубашу. – Ты же...

– За мясом, – буркнул он.

Она затихла, часто моргая. Он тоже замолчал. Зажег очаг, в котором лежало то, что осталось от одежды Нел. Бросил туда же образцы, на несколько мгновений добавив пламени жара – полыхнуло желто-белым, пришлось глаза прикрыть. В животе заурчало. Зараза, и поохотиться теперь не сходить. Сам-то перебьется, тем более, что под потолком висело засушенное мясо. А вот девчонку чем кормить?

Это заставило его вспомнить еще кое-что. Обругав себя последними словами, Альмод взял со стола флягу. Жестом показал девушке. Она облизнула потрескавшиеся губы, и видно было, как гордость в ней борется с жаждой. Дождаться, что победит, Альмод не стал, поднес флягу к ее губам, приподняв голову.

– В кусты не вынести? – поинтересовался Альмод.

Нел мотнула головой.

– Точно? – настаивал он. – Перестань дурить, сейчас я целитель, а ты моя подопечная, только и всего. Тащить сюда из Мирного женщину, чтобы защитить твою стыдливость, я не намерен.

Да и не в чести стыдливость среди чистильщиков. Побродишь месяц-другой там, куда ворон костей не заносил, и станет все равно, кто прикрывает твою задницу, пока под кустом сидишь, лишь бы не отгрызли.

Она снова замотала головой, залившись краской. Альмод вздохнул.

– Сколько ты ходишь с чистильщиками?

– Не твое дело.

– Не мое, – согласился он. – Тогда вернемся к началу. Либо ты сейчас врешь, и это очень глупо. Либо в самом деле не хочешь, и это очень плохо, начинают отказывать почки.

Она пристально посмотрела ему в лицо, пытаясь понять, не издевается ли он.

– И что, в самом деле ручки запачкаешь?

А у самой уже не только щеки, но и уши горели, и шея красными пятнами покрылась. Альмод усмехнулся.

– А что думаешь, целитель с чистенькими руками ходит, одними плетениями обходясь? Здесь ради прострелов да мигреней не зовут. Здесь целитель в крови, гное и дерьме по локоть. И вряд ли ты откроешь мне что-то новое о том, как живет тело и что оно выделяет. Ну?

Она выругалась. Попыталась натянуть на голову одеяло.

– Дура. – Альмод прошелся диагностическим плетением. И в самом деле почки. Пришлось подправлять и тут.

Не ожидая благодарности, он снова выбрался из землянки. Вдохнул вонь паленой шерсти, подумал, что за сегодня исчерпал запас всех известных ругательств. Надо убрать дохлятину. Зарыть, а не сжечь в пепел, чтобы силы на плетения не тратить. Хотя... Стоунов пять мяса. Вот и будет, чем девочку кормить, пока – если – на ноги не встанет. А что вываривать нужно будет долго, так торопиться некуда.

Когда он разделал тушу, собрались сумерки. Ветел разогнал тучи, унес запах гари, и теперь воздух пах росой и хвоей. Грех торчать в такой вечер в землянке. А развести костер так, чтобы его было незаметно уже в паре ярдов – дело нехитрое.

Он сунулся внутрь за котелком и обнаружил, что девочка таки вытащила нож из лежанки. После чего силы кончились, и так она и уснула, вцепившись в рукоять. Альмод пощупал ей лоб – жар немного спал. Может, и выкарабкается. Еще раз прошелся плетением, прихватил вместе с котелком плащ и меч. Забрал нож – хватит девочку провоцировать и самому с огнем играть. Ввернулся на воздух.

Спал он вполглаза: едва ли пропавших пойдут искать ночью, но кто его знает, что чистильщикам втемяшится в голову. Лес жил своей жизнью – шелестели ветки, где-то ухал филин, завыл волк, ему ответил другой. Людей Альмод так и не услышал. Раз, правда, почудились крики где-то вдалеке, но, кажется, все же приснилось.

Он, впрочем, не обольщался особо: рано или поздно придут. Но никто никого не искал ни к утру, ни к полудню.

И это начинало всерьез пугать.

4

Не могли чистильщики не хватиться Гейра. И не могли не пойти искать – не только сами, но и выгнав на поиски местных. Всегда найдутся желающие помочь за звонкую монету.

День стоял солнечный, безветренный, в такие дни звуки разносятся далеко, не то что во время дождя. Люди, вышедшие на поиски пропавших, не крадутся. Шумят изо всех сил, чтобы потерявшийся услышал. Аукают, переговариваются и перекрикиваются. Но как Альмод ни вслушивался в шелест листьев и птичий щебет, лишь раз долетел стук топора, и тот стих.

Что-то было не так, совсем не так. Альмод не знал, что и думать. Да и как тут думать вообще, когда совершенно непонятно, что происходит. В груди прочно засела тревога.

Обычно, чтобы успокоить не вовремя взбесившийся разум, достаточно было утомить тело. Но Альмод не мог сейчас позволить себе уработаться так, чтобы упасть и уснуть, не разбирая, мягкая ли постель. Если за ним все-таки придут... Если, если, если...

Он не сидел на месте, конечно. Наплел и наморозил воды, сложил в кожаный мешок вместе с остатками мяса, зарыл под елкой в глубокой тени, где никогда не бывало солнце, накидал сверху лапника. Прошелся до берлоги, куда бросил трупы, вслушиваясь в подозрительные шорохи и присматриваясь. Тел уже не было, только полосы засохшей крови там, где медведь волок остатки в логово. Сам зверь тоже не появился.

Вернувшись, Альмод натаскал – не наплел, плетения утомляли разум, но не тело – воды. Обычно ему нужно было немного, но сейчас их двое. Перестирал и высушил одежду. Потом возился с Нел: подновлял плетения, кормил. Вырезал ей гребень – просто, чтобы занять руки. Все время, пока работал, сидел на улице под сосной, оглядываясь и прислушиваясь. Никого.

Тревога не отступала, сидела в груди, мешая дышать.

К полудню он понял, что девчонка не умрет: спал жар, перестало колотиться сердце, дыхание стало глубоким и ровным. Большую часть времени Нел спала, как и положено выздоравливающим. Когда Альмод пришел кормить ее второй раз, перевернулась на живот – было видно, что это потребовало немало сил – и отобрала миску с ложкой. Сама, дескать. Он не стал спорить – сама так сама. Что такое полностью зависеть от чужой помощи, он помнил. Мерзкое состояние. Только ему тогда помогали люди, с которыми он пуд соли съел. А Нел – тот, кого она считала врагом.

Иллюзий Альмод не питал – едва оклемавшись, девчонка непременно попытается отомстить. Слишком многое он повидал, чтобы всерьез верить в человеческую благодарность. Пожалуй, это было даже занятно: вытаскивать от престола Творца своего возможного убийцу Альмоду еще не доводилось. Не могло ли быть, что не отпускающая тревога – лишь предчувствие опасности, исходящей от Нел? Он прислушался к себе. Нет. Если враг известен и рядом, все просто. Когда понимаешь, чего ждать, не о чем тревожиться. Тем более, что прямо сейчас она едва ли нападет. После того, как спала лихорадка, наверняка перестали путаться мысли, потому глупить, пытаясь убить человека, от которого пока полностью зависит, она не станет. Может быть, через день-два, когда поймет, что в состоянии о себе позаботиться.

Вечером, входя в землянку, Альмод успел заметить отблеск светлячка. Едва начала отворяться дверь, Нелл его погасила и притворилась спящей. За весь день они едва перемолвились парой слов. Альмода это забавляло, а что думала девчонка, ему плевать. Но хорошо, что к ней вернулась способность плести. Значит, случись что с ним, она сможет подновить исцеляющие плетения. И воду себе добудет, а еды пока полно. Это решило дело.

– Ты умеешь плести проход? – спросил он.

Нел открыла глаза. Качнула головой. Похоже, не врет. Многие командиры не учили младших членов отряда преодолевать огромные расстояния за несколько минут, проходя через

иные миры. На взгляд Альмода, это было изрядной глупостью, но каждый управляет со своими людьми так, как считает нужным.

– А подновить исцеляющие плетения сможешь?

Девчонка прикусила губу, поняв, что светлячок не остался незамеченным. На лице отразилось сомнение. Интересно, она всегда настолько плохо скрывает свои чувства, или просто ранена и ослабела?

– Смогу, – наконец, сказала она.

Он кивнул. Плести будет не в полную силу, конечно, но самое главное уже сделано, потому Нел справится. Если так и дальше дело пойдет, дня через два встанет на ноги, еще через день сможет уйти.

– Я оставлю тебе еду и воду. Когда кончится готовое, мясо – зарыто в мешке под елкой, там сверху куча лапника, увидишь. Лигах в двух отсюда на северо-северо восток – Мирный, городишко так себе, но жить можно. Если я не вернусь до того, как встанешь, то буду там... или на том свете, пока не знаю.

Нел озадаченно на него уставилась, но с расспросами не торопилась. Похоже, не такая дура, как показалось поначалу.

– Почтовая станция в Кривом Озере. Это в двадцати пяти лигах к югу отсюда. Карты набросал, на столе. Твое оружие в сундуке, брошь чистильщиков тоже. Все, что есть в землянке – можешь брать.

Будет жив – достанет еще, а покойнику барахло ни к чему. Альмод выложил на стол пару серебряков и полгорсти меди.

– Этого хватит на первое время. Потом разберешься, одаренные нищими не бывают.

– А... ты? – выдавила, наконец, Нел.

– А я пойду в Мирный разбираться, какого рожна Гейра до сих пор не хватились.

Она мигом помрачнела:

– Разве ты не этого хотел?

– Я хотел, чтобы моя голова оставалась на плечах. Ей, знаешь ли, там нравится.

– Ну так радуйся.

Он пожал плечами. Что толку объяснять? Гейр был ее другом, и ничего с этим не поделать. Как ничего не поделать и с тем, что самому Альмоду до сих пор было муторно от того, что случилось. Можно сколько угодно твердить себе, дескать сам нарвался – но мало приятного в том, чтобы убивать человека, с которым ели, смеялись и сражались вместе.

– Твой образец я сжег вместе с остальными.

– Образец? – переспросила она.

– И это не говорили?

Она покачала головой.

– У Гейра, Свейна на руке видела? Вроде браслета, три бусины, как дохлые твари, только красные?

Нел кивнула.

– Это и есть дохлые твари. И кровь. Каждого из отряда. Одна бусина – один образец. Когда у тебя есть чья-то кровь, можно найти человека хоть на краю света. Плетение простейшее.

Он свил нити, показывая, и тут же распустил. Все равно ничьей крови под рукой нет.

– Я думала, это сплетни.

– Нет.

– Твой образец я сжег, так что ты вольна идти, куда глаза глядят.

– Я не предаю орден... Я же не ты.

Альмод усмехнулся.

– Твое дело.

Он подхватил с сундука мешок.

– В чем подвох? – спросила она в спину.

Он обернулся. Приподнял бровь.

– Ты – дезертир и убийца. Зачем все это? Возиться со мной, оставлять деньги, вещи...

Зная, что я буду тебя искать. В чем подвох? Нравится играть со смертью?

Альмод пожал плечами.

– Может быть, жаль трудов, потраченных до того, как все пошло кувырком.

Девчонка изменилась в лице. Ага. Дошло, наконец, что ей жизнь спасли. Альмод ухмыльнулся.

– Может быть, я не люблю топить котят, а убить тебя сейчас проще, чем утопить котенка. А может быть, меня греет мысль о том, как тебя встретят в ордене, который тебе так дорог. Стоять под плетью не слишком приятно, знаешь ли...

Она резко села.

– Что ты им написал?

Здорово, видать, разозлилась, только что руки поднять не могла.

– Я? Зачем? – Он широко улыбнулся. – Они сделают выводы и без меня. Ты исчезла. Образец исчез, это обнаружили сразу же, как добились тварь и стали хоронить мертвых. До столицы триста лиг, на почтовых лошадях у тебя не хватит денег, моя щедрость не простирается так далеко. Искать оказию, останавливаться для заработка... даже чтобы ограбить путника, нужно время. К тому моменту, как ты доберешься до ставки, соратники, – Альмод хмыкнул, – все будут уверены, что ты дезертировала, а чтобы не нашли, прихватила образцы. Кто там сейчас Первый? Астрид? Она упертая, если уж чего решила, не передумает. Так что... пятьдесят плетей.

Она обессиленно рухнула на овчину.

– Сволочь...

Он пожал плечам и шагнул в лес. Пусть думает что хочет, есть заботы насущней.

На самом деле едва ли Нел обвинят в дезертирстве, если она вернется в орден сама. И если не дура, она это поймет. Но, может быть, передумает возвращаться. Стоило столько возиться, чтобы через месяц-другой девчонка сдохла где-нибудь в другом мире, когда командир не удержит плетение прохода. Или ее все же достанет очередная тварь. Альмод терпеть не мог бессмысленной работы, а при таком раскладе все его труды выходили именно что бессмысленной работой. Впрочем, сам дурак. Зарекался же подбирать бездомных котят.

Мешок с вещами и серебром он закинул в дупло старой березы. Там который год было осиное гнездо, так что вряд ли кто полезет. Насекомые побились о барьер, выплетенный Альмодом, и отвязались.

Переключки поисковиков в лесу по-прежнему не было слышно, зато, когда он подошел к городу, застучали топоры. И не один. Как будто половина Мирного выбралась по дрова на ночь глядя. Совсем они там с ума посходили, что ли?

А потом в носшибанул запах гари. Альмод озадаченно нахмурился. Для лесных пожаров рано, весна хоть и была теплой, но лес еще не прогрелся до того состояния, что готов полыхнуть от малейшей искры, точно трут. В городе пожар? Поэтому чистильщикам не до поисков пропавшего командира?

Он прибавил шаг, забыв, что нужно быть осторожным. По счастью, ноги помимо разума несли его в обход лесорубов. Что-то в них тоже было неправильным... Нет разговоров, понял Альмод. Разговоров, шуточек-прибауточек, добродушной ругани – всего того, что сопровождает людей, работающих хоть и тяжело, но не в одиночку.

Он вышел на опушку, замер на миг. Частокол стоял, как прежде, но за ним не было видно крыш. И куда-то пропали караульные-ополченцы у ворот. Гарью воняло и вовсе невыносимо.

Да что там случилось? Забыв об осторожности, Альмод пролетел ворота едва ли не бегом и застыл, задохнувшись, точно от удара под дых.

Города больше не было. Черные остовы домов, где-то – со скелетами крыш, где-то лишь торчали в небо закопченные трубы печей. Каким-то чудом уцелел трактир, он же постоянный двор, он же бордель – только крыша провалилась, да закоптилась стена. Значит, пожар не отсюда пошел. Альмод огляделся: на дальнем краю города виднелись относительно целые дома. Похоже, огонь начался где-то в центре города.

Он сгреб за грудки ближайшего прохожего, тот не возмутился, смотрел куда-то сквозь Альмода пустым взглядом.

– Что случилось?

– Пожар.

– Вижу, что пожар. Как?

Альмод встряхнул мужика посильнее, тот словно проснулся на миг. Высвободился.

– Под утро загорелось. Говорят, дом Харальда, еле успел с сыном выскочить. А потом – ветер...

Ветер, несущий искры. Деревянный город занялся мгновенно. Альмод выпустил прохожего, огляделся.

Люди. Кое-как одетые, перемазанные сажей, бродили среди развалин, сидели, лежали прямо на земле. Уже не было слышно ни женских причитаний, ни детского плача – впрочем, не так уж много было в Мирном женщин и детей. Старатели, крепкие мужчины, которым не страшен был ни один демон, походили на восставших покойников с пустыми лицами и застывшими взглядами.

Впрочем, кое-где уже не предавались отчаянию – откуда-то из-за трактира донесся грохот, взрыв ругани. Альмод пошел туда. Полдюжины мужчин – таких же закопченных, как остальные, разбирали то, что осталось от дома Харальда. Сам хозяин наблюдал за происходящим с непроницаемым лицом. Рядом стоял его сын, Бранд, парень лет шестнадцати. Сопляк, по меркам одаренных, взрослый уже наследник по меркам пустых. Полуодетый, русые волосы темны от сажи, безумный взгляд не отрывался от дома. Жены Харальда видно не было. Как и телохранителей, Варди и Стейна.

Грохнуло оземь очередное обгорелое бревно, Бранд дернулся, словно собирался сам бежать разбирать развалины. Отец ухватил его за локоть.

– Держи себя в руках.

Тот снова замер, глядя на дом. А когда оттащили еще одно бревно, вырвал локоть и бросился к пепелищу. Перемахнул оставшиеся венцы, не обращая внимания на встревоженные крики рабочих, прошелся, пригнувшись, словно выискивая что-то среди угольев. И взвыл, рухнув на колени.

Оттуда, где стоял Альмод, невозможно было разглядеть хоть что-то в черной свалке. Но Бранд, шатаясь, поднялся, держа на руках нечто, очень отдаленно напоминающее свернувшееся калачиком тело. Отвалилась, глухо стукнув о землю, голова. Парень снова завыл.

Харальд подлетел к нему, с размаху влепив пощечину. Руки парня разжались, уронив труп.

– Держи себя в руках. – рявкнул Харальд. – Добавил, понизив голос, но Альмод расслышал. – Твоя боль – твоя слабость. Не показывай ее, если не хочешь однажды получить прицельный удар.

Бранд сложился на корточки, уронив голову на руки.

– Вставай.

Он посмотрел на отца снизу вверх, на закопченном лице появились светлые дорожки слез.

– И сопلي утри.

Парень на миг отвернулся, медленно выпрямился.

– Прости.

– Твою мать не вернешь, – все так же холодно произнес Харальд. – Займись делом. Узнай, кто из наших работников жив, кого придется заменить. Найди, кого послать на окрестные фермы: людям надо что-то есть. Узнай, не надо ли что обожженным... и где, мать его так и разэтак, носит целителя?

Альмод мысленно выругался. Вот, значит, почему Гейра не искали... Хотя чистильщикам-то что до того? Они и так мир спасают, не до погорельцев. Разве что... от догадки смерзлось нутро. Да нет, не могло этого быть. Семеро одаренных, пусть даже и с ранеными. Не стали бы они сидеть и ждать, пока сгорят. Даже если вдруг оказались пьяны в стельку.

Но другого объяснения не было.

Занятый своими мыслями, он не услышал, как кто-то подошел сзади, и подпрыгнул, когда крепко ухватили за локоть. Едва удержал руку, потянувшуюся к ножу.

Варди... или Стейн, для Альмоды близнецы были просто телохранителями Харальда, не стоили они того, чтобы их различать. Крепкие светловолосые парни, не дураки подражаться и без плетений.

– Явился, мать твою, – сказал то ли Варди, то ли Стейн. – Пойдем.

Альмод выдернул руку.

– Какого...

– Пойдем, – повторил тот. – Ты нужен.

А что с домом Альмоды? Точнее тем, где он снимал комнату у старой вдовы? И с ней самой?

– Кому я, нахрен, нужен. К себе сперва схожу.

– Некуда тебе больше идти, – отрезал Стейн. – А нужен ты мне. Варди покалечился.

– Сам не справишься, что ли? – пожал плечами Альмод.

– Мог бы справиться, стал бы тебя просить? – Стейн ощерился. – Или, думаешь, даром прошу? У меня есть чем расплатиться.

Лейв, наставник Альмоды, когда-то говорил, что целитель может работать бесплатно только если видит какой-то особенный случай, который может его чему-то научить. Дескать, что даром досталось, то не ценится, и то, о чем поначалу будут умолять как о драгоценном одолжении, через какое-то время будет казаться само собой разумеющимся. Так что нечего развращать людей и подрывать престиж профессии. Альмод этому правилу не то чтобы следовал неукоснительно – просто с тех пор, как он перестал быть чистильщиком и начал зарабатывать целителем, никому и в голову не приходило просить одаренного помочь бесплатно. Но сейчас дело было не в серебре – просто ни Варди, ни Стейн ему не нравились. Сдохнут – туда и дорога.

А ведь, кроме мертвых, в городе должны быть и обожженные. Ох ты ж, мало ему было Нел.

– Засунь себе...

– Господин целитель! – К ним, пыхтя, бежал дородный рыжий детина. – Хвала Творцу, вы здесь!

Рауд, трактирщик, бухнулся на колени.

– Не откажите, господин целитель. Мы собрали, сколько смогли.

Он трясущимися руками полез за пазуху, вынул кошель.

– Всех ко мне снесли, мужики, бабы, дети, все вперемешку. Не откажите...

Альмод кивнул, зашагал к трактиру.

– Я заплачу больше, чем они! – закричал вслед Стейн. – Или хочешь, чтобы я тоже на колени бухнулся?

Да что там такое случилось с его братом, что сам Стейн не справлялся? Ожоги – дело невеликое, сил тянут много, конечно, но и только. Это тебе не тусветная тварь.

– Не хочу, – сказал Альмод. – Когда вдова Руна на коленях умоляла твоего нанимателя не отбирать ее дом за долги, вы смеялись. Я смеяться не буду. Дар у тебя есть, справляйся сам.

– Я не могу его добудиться!

Стейн сдернул с пояса кошель, сунул в руку поднявшемуся было трактирщику.

– Проси его ты.

Тот растерянно замер, переводя взгляд с кошеля то на одного, то на другого одаренного. Альмод порвал плетение, подчиняющее разум, прежде, чем оно свилось полностью. Незачем кому попало знать, что после Посвящения ему нельзя подчинить разум. Как нельзя отвести глаза или усыпить плетением.

– Рауд, пойдем.

– Ты пойдешь к моему брату, – сказал Стейн.

Прежде чем трактирщик опомнился и схватился за меч, Стейн вывернул ему руку, представив нож к горлу. Рауд дернулся – все-таки трусов среди мужчин Мирного не было – но добился лишь того, что клинок рассек кожу, выпустив кровавые капли.

– Или я его убью, – закончил одаренный. – Ну!

5

Альмод пожал плечами. Позер. Одаренному не нужна сталь, чтобы убить человека, и Стейн явно хотел привлечь внимание людей на улице. Нельзя сказать, чтобы у него не получилось – кое-кто, забыв про свои беды, уже таращился.

– Да мне плевать, – сказал Альмод, разворачиваясь к трактиру. – Хоть полгорода вырежи.

Двинулся прочь, прислушиваясь, не зашелестят ли за спиной шаги, не засвистит ли воздух от брошенного ножа. Плетения он увидит и так, не глазами.

И снова остановился, услышав хрип.

Стейн оттолкнул трактирщика – тот мешком осел на землю, сквозь прижатые к горлу пальцы струилась кровь – и оскалился:

– Если надо будет, вырежу и полгорода.

Плетением рванул к себе ближайшего – ближайшую, трактирную девку, что застыла рядом, прижав ладонь ко рту. Она пришла с Раудом, но осталась в стороне, нечего шлюхе лезть в мужской разговор.

– Тебе по-прежнему плевать, целитель? – спросил Стейн.

Альмод пожал плечами. Ничему телохранителя Харальда не научила та кочерга. Дураков Альмод не любил, а дураков буйных не выносил вовсе. Плетением выдернул из руки нож – Стейн не успел даже попытаться порвать нити. Отшвырнул в сторону девку. Сгустил воздух вокруг головы Стейна в студень, который не протолкнуть в легкие. Парень задергался, заскреб рукой по горлу. Потянулся разорвать плетения, не сумел. Куда ему, это Гейр мог сражаться почти на равных, а одаренному, не прошедшему посвящение, с чистильщиком тягаться трудно. Да и не были братья особо сильны, просто привыкли, что некому отпор дать.

Альмод бы продержал Стейна так, пока не затихнет, но Рауд был еще жив, и время стремительно уходило. Да и какая, собственно, разница, этот полоумный вряд ли извлечет урок из случившегося. Так что Альмод просто остановил ему сердце. Склонился над трактирщиком, затягивая раны. Ерунда, легко отделался. Несколько дней проваляется пластом, кровопотеря все-таки серьезная, и встанет. Был бы одаренным – поднялся бы через день, а чистильщик и вовсе бы оклемался почти мгновенно.

– Прости, почтенный Рауд, – сказал Альмод, протягивая руку. – Не думал, что до этого дойдет.

Тот пополз, пятясь задом, глядя на Альмоду с откровенным ужасом. Он вздохнул, огляделся. Ткнул пальцем в зевак, выделяя трех крепких мужчин:

– Ты и ты, помогите ему подняться и доведите до трактира. Ты – ступай к Харальду и передай, что Стейн доигрался. Захочет с кого спросить – пусть приходит ко мне. Я буду в трактире.

Вздернул за локоть с земли трактирную девку, убедился, что ноги ее держат, и зашагал прочь. Судя по всему, забот у него будет много.

Крики он услышал еще не открыв дверь. Кто-то стонал, кто-то бредил, кто-то орал в голос непотребные ругательства, кто-то просто выл. Обычно в трактире пахло мясом или свежим хлебом, вечером добавлялся запах горящего жира от свечей. Сейчас с порога в нос шибанули вонь немых тел, горелой плоти и – вроде должен был уже привыкаться – копот.

Столы сдвинули в сторону, насколько вышло, людей уложили прямо на полу, в два ряда, между которыми едва можно было пройти. Рауд не соврал: мужчины, женщины вперемешку, полдюжины детей.

Альмод мысленно выругался. Захотелось развернуться и уйти. Он не справится. Просто сил не хватит на всех. Но тут к нему бросилась Хильда, жена Рауда.

– Хвала Творцу, вы все-таки пришли!

– Это все? – спросил Альмод, снова оглядывая людей.

– Еще на заднем дворе. И наверху, в комнатах. Полдюжины. У кого нашлось, чем заплатить, пойдете к ним...

Альмод покачал головой.

– погоди. Здоровые где? Много их?

Рауд сказал «мы собрали». Значит, должны быть.

– Тоже на заднем дворе, разогнала пока, чтобы не мешались, некуда их здесь. Девочки наверху, в комнате.

«Девочек» в трактире было четыре.

– Если могут что-то сделать, приказывай. – продолжала Хильд. – В такое время нужно держаться всем вместе.

Альмод потер лоб, мысли путались. Он не в силах помочь всем. С кого начинать? С мужчин, которые смогут отстроить дома, а потом принести городу золото? С женщин, способных родить детей взамен – как бы жестоко это ни звучало – погибших? Тем более, что женщин в Мирном и без того мало... Детей? Начать по очереди от двери, чтобы не мучиться выбором? С тех, кто больше заплатит?

Он мотнул головой, отгоняя желание просто развернуться и уйти. В конце концов, он никому здесь ничем не обязан. Его вообще ничего не держит в Мирном. Если Стейн не солгал, даже своего угла не осталось. Выйти за частокол, выплести проход – и поминай как звали. Будут проклинать? Ему-то что с того? Слова – лишь пустое сотрясение воздуха. Вернуть кошель, и вся недолга.

– Так, – сказал он. – Здоровых мужчин много? И девчонок зови, пусть помогают. Да, еще, пусть отгородят угол какой для женщин. И отправь по городу просить, может, у кого плотно осталось, постелить да укрыть.

На стыдливость ему по-прежнему было плевать, но в Мирном нравы простые, прилюдное обнажение никому не простят.

За спиной скрипнула дверь, Альмод поспешно отступил в сторону, чтобы не ударило. Вошел – втащился, висая на старателе – Рауд, взгляд трактирщика все еще был обращен куда-то внутрь себя, и от Альмода он шарахнулся, обошел по дуге, насколько это возможно. Альмод покачал головой. А вроде тертым калачом казался. Впрочем, может, и придет в себя.

Он плетением взгромоздил столы один на другой, освобождая еще немного места. Этот закуток нужно будет отгородить для женщин. И еще вон тот, но сначала... Он мотнул головой приказывая трем подошедшим мужикам подойти ближе.

– Разнесете по углам, куда я скажу.

И пошел вдоль рядов, останавливаясь возле каждого лишь на миг, нужный для того, чтобы собрать диагностическое плетение. Одних – тех, кто уже близок к агонии – к стене. Отгородить занавесью и дать спокойно уйти. Может, одного-двух тяжелых и можно было бы вытащить, но после этого Альмод обессилеет полностью, как совсем недавно. В другой угол – тех, кто в состоянии подождать. Да, будут выздоравливать долго и трудно, да, останутся жуткие рубцы, возможно, настолько глубокие, что суставы потеряют подвижность, непременно сядет зараза, и придется разбираться еще и с ней, но это будет потом.

И, наконец, те, кем нужно заняться немедленно. На третьей дюжине Альмод сбился со счета и плюнул. Не до того.

Он не стал ничего объяснять, просто тыкал пальцем, кого в какой угол. Хильда тронула его за плечо, напомним о тех, кто был наверху и рассчитывал за деньги купить особое отношение целителя. Может, в другое время серебро и вправду им помогло бы, сейчас Альмоду было плевать. Наверх, впрочем, он поднялся. Остановил сердце двоим, еще одного просто усыпил, чтобы не буянил, велел приставить девку, чтобы, когда проснется, воды носила да сопли утирала, троих приказал снести вниз, а будут кочевряжиться – пусть подышают, он не намерен

тратить и без того невеликие силы, таскаясь вверх-вниз по лестнице. Приврал, конечно, предел свой Альмод знал очень хорошо, даже среди чистильщиков немного было равных.

Прошелся по заднему двору. Челюсти сдались сами собой, а нутро свернулось в тугой узел. Он не справится. Не хватит ни сил, ни времени. Запретил себе думать об этом.

Потом велел Хильде прогладить полотно на повязки, прокалить над огнем несколько ножей, чтобы вскрыть ожоговые пузыри. Найти кого-то, кто бы натаскал и накипятит воды, тратить на это плетения он не намеревался. Затем послал человека в свой бывший дом, проверить, все ли сгорело. В одном из сундуков, в глиняном сосуде с плотно притертой пробкой, у него лежали бурые кристаллы, что получают перегонкой морских водорослей. Если сосуд не лопнул от жара, ничего им не сделается, а, значит, будет чем обработать ожоги тем, кому не хватит плетений, чтобы не села зараза. Распорядился, кому и что делать – раздевать, обмывать, переворачивать, чтобы не появлялись пролежни – сколько эти люди пролежали здесь, день? – поить. Убедился, что все при деле. И, наконец, занялся делом сам.

Он потерял счет времени и людям, все слились в единое тело, стонущее, покрытое струпами, истекающее сукровицей. Обложил непотребно Харальда, попытавшегося сперва призвать его к ответу за Стейна, а потом – таки заставить пойти и заняться Варди. Вышвырнул троих мордovorотов, которых тот натравил, выбив дверь спиной первого незваного гостя. Кажется, Харальд попытался вернуться обратно, но Альмоду было не до того, благо, мужчины во главе с сыном Рауда встали в дверном проеме и объяснили хозяину Мирного, что прямо сейчас он не прав.

Несколько раз Альмод выходил во двор, глотнуть воздуха. Постоять в тишине ночи, не слыша криков и стонов. Прислониться к стене – очень хотелось сползти по ней на землю, но нельзя, слишком велик будет соблазн не подниматься вовсе сутки-двое. Закрывать глаза, чтобы не видеть ни ран, ни обращенных на него глаз, ждущих чуда. Не мог он дать им чуда и даже обещать его не мог – он не Творец и не слуга Его, те все обещают чудес, да только редко когда исполняют. А у него были только голова, руки и дар, стремительно истощавшийся.

Когда он вышел на улицу в последний раз, небо уже светлело, хотя солнце еще не поднялось над домами. Город оживал – где-то командовали, разбирая очередной сгоревший дом, где-то квохтали куры, видать, не все сгорели. Проехала телега, груженная тесаными бревнами. Альмод снова закрыл глаза, прислонившись затылком к стене. Полдюжины умерло за ночь. От троих он отказался сразу, трое не дождались его помощи. Умрут и еще.

Проведав, что целитель объявился и никому не отказывает, в трактир потянулись люди. Альмод никого не гнал – не до того, отсылал подождать на задний двор, где работники уже расчистили место, разобрав сгоревший дотла сарай. Ночью поток прекратился, но когда город проснется окончательно, потянутся снова.

Сейчас Альмод постоит еще немного и снова пройдет по заднему двору, так же разделив пострадавших на три группы. Только тех, кто может подождать, придется отправить домой, пообещав когда-нибудь прийти. Обещание свое он исполнит, но для некоторых может быть слишком поздно. Но об этом он подумает потом. Еще полминуты...

Очередные шаги – трое, определил Альмод, не открывая глаз. Не прошли мимо, а остановились.

– Господин целитель, – ахнул знакомый голос. – Что за кошмар тут случился?

Альмод нехотя открыл глаза. А вот и служительница Творца, легка на помине. Впрочем, ничего дурного о преподобной матери Ульрике Альмод сказать не мог, а горожане на нее и вовсе молиться были готовы. Круглолицая, дородная, улыбочивая, она для всех находила доброе слово и благословение.

Рядом с ней озирались по сторонам два незнакомца. Один – пожалуй, на пару лет постарше Альмоды, с коротко стриженными, как у простолюдина, русыми волосами, никак не вязавшимися с чисто выбритым лицом и перстнем одаренного на руке. Взгляд серых глаз –

острый, цепкий – смерил с головы до ног, и Альмод почему-то разом вспомнил, что одежду не переменял с прошлого утра, а когда брился, и вовсе забыл. Выругался про себя – нашел о чем думать! Посмотрел на другого сопровождающего.

Парень, ровесник Нел, пожалуй, тоже русский, как и первый, только волосы отливали легкой рыжиной, а глаза – кошачьей зеленью. И тоже с перстнем на пальце, блестящим, еще не подыстершимся, как бывает с украшениями, которые носят не снимая. Да, где-то месяц назад должны были защищаться и в университете Солнечного, и в столичном.

В другое время Альмод бы непременно полюбопытствовал, что занесло в Мирный аж двоих одаренных. Не золотоискателями же решили стать, когда есть дар, золото искать незачем, оно само в руки потечет из чужих кошельков. Но сейчас ему было бы все равно, даже явись сюда все профессора университета Солнечного во главе с господином ректором.

Впрочем, нет, этих бы он нашел, к чему пристроить. Особенно наставника. Хм, а почему бы и нет?

– Я была у умирающего в восьми лигах отсюда... – говорила меж тем Ульрика. – Не знала... Чем могу помочь?

Альмод снова оглядел этих двоих. Поклонился преподобной матери, едва не потеряв равновесие.

– Там, – он мотнул головой в сторону трактира, – есть и мертвые, и умирающие, и те, кому нужно утешение.

Она кивнула.

– А вы... – Альмод посмотрел на старшего. – Как у вас с исцеляющими плетениями?

Младший возмущенно зыркнул, перевел взгляд на старшего. Тот негромко заметил:

– Вообще-то преподобная мать говорила только за себя. Мы просто столкнулись с ней на дороге, и вызвались проводить, потому что было все равно, куда идти.

– Сейчас не время... – начала было Ульрика, но Альмод перебил ее как можно мягче:

– Преподобная мать, не смею указывать вам, что делать, но люди страдают.

Она осенила себя священным знаменем и шагнула за дверь. Альмод достал из поясного кармана – как сунул, так и забыл – кошелек, отданный Раудом. Подкинул на ладони.

– Так как у вас с исцеляющими плетениями?

– Ожоги? – поинтересовался старший.

– Ожоги, в том числе дыхательных путей. Отравление дымом. Отравление продуктами распада тканей...

– И зараза, конечно, – завершил первый. – Горело не меньше суток назад, так что уже должна была пойти.

Альмод кивнул. Бросил ему кошелек. Тот заглянул внутрь, усмехнулся – дескать, негусто, но сойдет.

– Вообще-то я боевик, а он подземник, но что сможем – сделаем.

Так вот, что их сюда принесло! Парень может узнавать, что и где скрывает земля. Обычно таких нанимала корона или благородные, в чьих владениях были залежи руды или драгоценностей, начинавшие истощаться. Здесь, в Мирном, его умения особо без надобности: золото несли ручьи, золотые жилы шли почти на поверхности, знай добывай. Вот лет через пятьдесят Харальд, наверное, задумался бы...

– И то хорошо. Тот, кто умеет сражаться, умеет и исцелять, иначе долго не протянет. Я Альмод.

– Я – Ивар, а это Эйнар, мой племян.

На взгляд Альмоды, у них не было ничего общего, кроме русских волос. Но об этом можно подумать после, пока у Альмоды не было поводов подозревать этих двоих во лжи. А то, что старший казался смутно знакомым...

– Где учился? – спросил он.

– В Солнечном. А что?

Ну, вот и ответ. А в том, что глядя на мужчину, он не может припомнить, как тот выглядел пацаном, ничего удивительного. Каждый год больше сотни выпускников, где уж тут всех упомнишь.

– Я тоже, – сказал Альмод. – Надо было сразу спросить. Лейв на исцеляющие плетения натаскивает здорово, так что не скромничай.

Ивар рассмеялся.

– Нет, я не целитель. Слишком уж людишек не люблю.

– А то я их обожаю, – усмехнулся Альмод. – За этим к преподобной матери.

Он с сожалением отлепился от стены.

– Пойдем, работы много.

Втроем дело пошло лучше. Все меньше становилось тех, кем следовало заняться срочно – увы, не только потому, что остальным успевали помочь. Но все же чаша весов постепенно склонялась в пользу жизни. Кого-то уносили, кого-то уводили родичей, кто-то и вовсе уходил сам. Все больше места становилось в бывшем трактирном зале, нынче превращенном в лечебницу. Альмод даже прикорнул на пару часов – точнее, спать его прогнал Ивар, поймав за локоть после того, как он едва не споткнулся на ровном месте – и перекусить.

Хильда, раз уж повезло сохранить и трактир и работников, упускать прибыль не собиралась. Работники повытаскивали столы прямо на улицу, Хильда вынесла хлеб и пиво, загнав повара ставить тесто для новых хлебов. Альмод, услышав цену, мысленно усмехнулся – похоже, когда первое потрясение прошло, человеколюбие уступило место жадности. Впрочем, когда сам он потребовал еды, об оплате трактирщица даже не заикнулась.

Альмод жевал, не чувствуя вкуса, прихлебывал пиво и прислушивался к разговорам. И чем дольше вслушивался, тем меньше все это ему нравилось.

Люди винили в пожаре чистильщиков. Дескать, Хродрик приютил их у себя, как дорогих гостей, а те перепились и учинили пожар. Да демоны их знают как, от одаренных-то всего можно ожидать. Только полыхнуло под утро именно в гостевых комнатах, да так, что от гостей одни головешки остались. Опять же, демоны знают, видать, настолько пьяны были, что не выбрались. Да где там было выбраться, когда так полыхало. Сам хозяин едва выскочить успел. Сына его уже телохранители вытаскивали – Варди, вон, на голову балка упала...

Так вот почему брат не мог его добудиться, понял Альмод. Ожоги, похоже, залечил, а разум успел погибнуть. Хорошо, что не пошел посмотреть, что там. Стейн все равно бы не поверил...

Ну да собаке собачья смерть. И жена Харальда сгорела. Говорят, он ее за руку тащил, а она вырывалась да за золотом бросилась, глупая баба. У мужа ее наверняка того золота припрятано и на приисках, и в столичном доме. Сын вон теперь как убивается, жалко парня. Чего его жалеть, молодой еще, вот зубы и не выросли, а будет такой же волк, как отец, яблоко от яблони... Да не так уж Харальд и плох, послал по округе скупать еду и обещал бесплатно раздавать. Не то что Рауд.

Но правду люди говорят, что от одаренных надо держаться подальше, а от чистильщиков —особенно. Сколько бед от них, они тех, что без дара, и вовсе за людей не держат... Говоривший осекся, покосившись на Альмод. Тот широко улыбнулся. Мужик побелел и вылетел из-за стола, бросив недоеденное. Остальные наперебой начали заверять, что про господина целителя никто вовсе дурного не думает...

Альмод не стал обращать на них внимания. Как он ни крутил в голове случившееся, укладываться оно отказывалось. Чтобы все десять... девять человек были настолько неумеренны во хмелю, что не только учинили пожар, но и не сумели ни потушить, ни выбраться? Или раненых было много. Не тот один, кого тварь зацепила при нем, а досталось и другим? Тогда понятно, почему Гейр помчался искать целителя. И все же... Происшедшее отдавало сущим безумием.

6

От размышлений, после которых ум за разум заходил, его отвлекли Ивар с Эйнар, устроившиеся рядом за столом.

– Как тут... ну, вообще? – спросил Ивар, пригубив пива.

Альмод пожал плечами. Повел рукой – дескать, смотри сам.

– Да я не о том. Отстроятся, такие места всегда отстраиваются. Если уж люди в золото вцепятся, не оттащишь, пока добыча не иссякнет. А вообще? Работа для дара есть?

– Мне хватало, – пожал плечами Альмод. – Но если Эйнар и в самом деле подземник, вам лучше будет спрашивать, какие участки остались бесхозными после пожара, пройтись да посмотреть. Займете, что поинтересней. Договоритесь с Харальдом за долю. Только не говорите ему, что Эйнар подземник, прежде, чем договоритесь.

Одаренные не могли владеть ни землей, ни любой другой недвижимостью. Так что в любом случае придется искать посредника. Проще уж сразу с сильным дело иметь.

– Вот еще, в земле ковыряться, – поморщился Эйнар.

Ивар отвесил ему затрешину. Не всерьез, только чтобы обозначить недовольство.

– За добрый совет благодарить надо, а не морду кривить. Самому ковыряться незачем, нанять всегда можно. – Он повернулся к Альмоду. – У кого, говоришь, спрашивать?

– У Рауда или матери Ульрики.

Трактирщик многое слышит и многое знает. Особенно если учесть, что именно в его карманах зачастую оседали самородки. Начнет старатель обмывать удачу да так увлечется, что в конце концов саму «удачу» и оставит в качестве залога за хмельное. С пьяных глаз совершенно не думая, что поутру надо будет его выкупать – а на что, если с вечера на радостях пропил все до последнего медяка? Так что кому везло, Рауд знает лучше других. Равно как и кому не повезло вчера лишиться не только угла, но и жизни.

– Мать Ульрику, я так понимаю, напрямую не спросишь? – поинтересовался Ивар.

Альмод пожал плечами – у тебя своя голова есть, сам и соображай, как к преподобной подкатить.

– А сам не хочешь? – продолжал Ивар. – Мы бы и тебе приглядели что интересное... скажем, за двадцатую часть добычи.

– Мне и так хватает.

– Особенно сейчас, – хмыкнул Ивар – Такой целитель, как ты, мог бы в столице благородных пользоваться.

– Мне и так хватает, – повторил Альмод.

Ивар понимающе улыбнулся.

– Поединок?

Альмод рассмеялся.

– Догадливый.

Лучший способ солгать – сказать часть правды. В конце концов, в столицу ему действительно путь заказан после того как... ну да, можно называть это поединком. Когда его, измотанного тремя переходами за день, пришли убивать четверо. Впрочем, нет, не четверо. Два пацана оказались лучше, чем он подумал вначале. Потому и жив остался.

– И кого, если не секрет? – полюбопытствовал Ивар.

– Да какая разница. Можно подумать, ты только от двора, все громкие скандалы помнишь.

– Куда уж мне. Тринадцать лет в Приграничье, про ту столицу только слыхал.

Врет? Похоже, что нет. Человека, привыкшего сражаться, видно – выдают осанка, манера двигаться. Ивар выглядел человеком, который и в самом деле многое повидал.

– И как оно?

– Да как последние сто лет: то мы бьем, то нас бьют. Оно бы и ничего, да что-то уставать начал. Вон, племяш перстень получил. – Он потрепал Эйнара по макушке. – Брату я здорово обязан остался, так что... Надо помочь. Ну и я подумал, что пора бы остепениться уже. Парня к делу пристрою, осяду где-нибудь... Как тут с женщинами, кстати?

– Одаренных нет, – пожал плечами Альмод. – Так что готовься раскошелиться.

Так уж повелось издревле – после проведенной ночи оставлять пустым серебро. Только пустая могла понести от одаренного. Поэтому и одаривали монетой – на случай, если мимо-летняя забава и в самом деле не останется без последствий. Девки липли, конечно, и не только ради серебряка, а то и золотого. Если ребенок унаследует дар, университет заплатит за него столько, что полжизни можно безбедно прожить.

– Глядишь, и сойду с кем, – задумчиво произнес Ивар. – Пора бы уже о детях думать.

– С трактирной девкой? – хмыкнул Альмод. – Остальные или с мужем приехали, или не подросли еще.

– Там видно будет. Все равно пооглядеться нужно, прежде чем что-то решать.

– Разве в этом году подземников не искали ни корона, ни благородные? – спросил Альмод. – Стоило в такую глушь забираться?

Эйнар торопливо дожевывал, прежде чем ответить.

– Искали, конечно. Но я подумал, что так и этак загонят в редкую дыру. Так зачем мотаться в глушь за жалование, когда можно точно так же мотаться в глушь, но уже для себя? Если попадется что-то по-настоящему интересное, выгоднее предложить свои условия.

Занятный.

– А кто такой Харальд, с которым нужно договариваться? – спросил Эйнар.

– Местный королек, – сказал Альмод. – Из благородных, но младший сын.

Это значит – ни земель, ни титула, крутись как хочешь. Обычно шли в наемники – некоторым удавалось выслужить себе новый герб – или в монастырь.

– Наместник короны в этих землях. И, по слухам, собирается выкупить их у короны... в смысле, пытается сделать так, чтобы ему пожаловали земли в качестве наследных владений. За неоценимые заслуги. – Альмод усмехнулся.

– Выгорит? – поинтересовался Ивар.

– Скорее всего.

Из столицы за этим медвежьим углом особо не приглядишь, так что проще передать земли в надежные руки и назначить налог.

– Значит, будет от своего имени жаловать, – задумчиво произнес Эйнар.

– Но не вам, – хмыкнул Альмод. – И еще непонятно когда.

Парень кивнул, отстраненно глядя в пространство. Что задумал, интересно? Не скажет, жаль.

Альмод посмотрел вдоль улицы.

– А вот и он, легок на помине.

Рядом с Харальдом шел Бранд, за ними – три мордovorота. Те же, кого Альмод из трактира вышвырнул. Тогда недосуг было разглядывать, а сейчас он обратил внимание: малознакомые парни не из Мирного. С прииска. Похоже, того, где у Харальда были и работники, и еще один дом, и охрана. Быстро за ними послать успел. Хотя, если знал, что Варди покалечился... А сколько времени вообще прошло? Он совершенно не представлял, какой сейчас день.

Альмод подобрался было, но Харальд, казалось, успокоился. То ли устал, наверняка у него тоже забот выше головы. То ли, наоборот, выпался и перестал походить на пересушенный трут, готовый вспыхнуть от малейшей искры. Испросив разрешения, присел за стол, к торцу, так, чтобы видеть всех одаренных. Хильда, не дожидаясь просьбы, поставил перед ним кружку пива. Харальд спросил, как дела у господина целителя, не надо ли чем помочь, попро-

сил представить Ивара и Эйнара. Все, как и подобает – даже если у тебя какое-то серьезное дело, неприлично переходить к важному с места в карьер.

– Признаю, третьего дня я несколько погорячился, – наконец заговорил о деле Харальд. Позавчера? Альмод совсем счет времени потерял. Неудивительно, что с ног валился.

– Надеюсь, вы понимаете, – продолжал он, – все мы многое потеряли, и все мы сейчас немного... несдержанны. Дом можно отстроить, но жена...

Альмод усмехнулся про себя. Жену свою Харальд считал пустым местом. По слухам, колотил нещадно за то, что первой родила дочь, а потом и вторую прежде, чем на свет появился Бранд. Одна из девочек умерла во младенчестве, вторую он выдал замуж в четырнадцать – тоже за какого-то младшего сына не слишком известного рода – и забыл о ее существовании. Остальные дети, которых жена приносила ежегодно, пока вовсе не перестала рожать, не переживали пяти лет – и в этом тоже, разумеется, была виновата баба с тощим чревом, неспособная родить здоровых детей. Целителя, однако, он к ней не звал. И не пришиб до сих пор лишь потому, что родня у нее, как и у всех благородных, была ветвистая. Когда бабу тумакими учат – это нормально, известное же дело, по-другому они вовсе не понимают. Но убить – тут другое, тут родичи и озлиться могут.

Альмод мимолетно задумался – а в самом ли деле женщина вывернулась из руки вытаскивавшего ее мужа и устремилась за золотом? Впрочем, сейчас это уже не имело значения. Покойницу не воскресишь, доказательств его домыслам нет. А причинять добро и наносить справедливость всем, кто не успеет увернуться, Альмод не намеревался. Он не служитель Творца, чтобы лезть не в свои дела.

– Да еще Варди пострадал при пожаре, а Стейн сошел с ума... К слову, я готов компенсировать вам неудобства, которые он доставил. Как уже компенсировал Рауду и этой, как ее...

Альмод кивнул. Ему тоже было плевать на имена трактирных девок.

– Мне он не доставил неудобств. Разозлил, это правда. – Он изобразил вежливую улыбку и повторил, копируя интонацию Харальда. – Надеюсь, вы понимаете. К слову, как там Варди?

– Скончался.

– Пусть Творец примет его душу.

– Пусть Творец примет его душу, – повторил Харальд. – Но это вынуждает меня спросить еще раз. В прошлый раз я поскупился, признаю. Вы стоите гораздо больше. Не только как целитель, но и как охранник.

Альмод усмехнулся.

– Благодарю за комплимент. Боюсь, он незаслужен.

– Подумайте, – настаивал Харальд. – Не тороплю, к тому же подробности лучше обсуждать без свидетелей.

– Я не ищу жалования, – сказал Альмод. – И доволен тем, что у меня есть.

– Сейчас у вас нет даже угла.

Он пожал плечами.

– Не в первый раз. Думаю, что и не в последний. Мелочь, не стоящая внимания.

– Это ваше последнее слово? Едва ли мы вернемся к этому разговору.

Альмод усмехнулся.

– У меня память тоже хорошая. И помня, в который раз заходит подобный разговор, я предпочел бы действительно больше к нему не возвращаться.

– Что ж, на том и закончим. – Харальд перевел взгляд на Ивара. Тяжелый, оценивающий взгляд, не каждый такой выдержит. Но одаренный глаз не отвел. – А вас что к нам занесло, позвольте спросить?

Ивар помолчал, не торопясь отвечать, и Харальд добавил:

– Прошу понять меня правильно, но я, как наместник его величества, должен знать... Одаренные не жалуют наши места, а тут сразу двое.

До чего вежлив он сегодня. Понимает, что мордovorоты мордovorотами, а три одаренных от него и его людей в несколько мгновений оставят мокрое место. В прямом смысле, если захотят. Вот и держит себя в руках. А заодно и пытается понять, на чьей стороне будут эти двое, если что.

А и в самом деле. Альмод мысленно подобрался. То, что они одаренные, вовсе не означало, что они безоговорочно поддержат, гм, собрата. Не водилось такого обычая среди имеющих дар. Во-первых, слишком мало их было – один-два на сотню – чтобы держаться друг друга. А во-вторых, еще в университете понимали – каждый сам за себя. Наставник спросит с любого отдельно, и никто не поможет. Были друзья, конечно, но друзья на то и друзья, что с ними все по-другому.

Совершенно не к месту вспомнился Ульвар. Альмод мысленно поморщился, не то это было воспоминание, которое стоило бы лелеять. Посмотрел на Ивара. Тот глядел на Харальда, тоже явно оценивая.

Так...

– Работу ищу, – сказал Ивар. – Места тут, по слухам, беспокойные, лихих людей много. Глядишь, кому и понадобится с племянником.

– А до того чем занимались?

– Эйнар – ничем, месяц как магистерскую защитил. А я тринадцать лет в приграничье оттрубил. Надоело.

– Может, и понадобится, – задумчиво проговорил Харальд. Мотнул головой в сторону Альмоды. – Справитесь с ним – возьму. И жалованием не обижу.

Альмод встретился взглядом с Иваром. К нитям они потянулись одновременно. Эйнар пока не понял, что уже все всерьез, ошеломленно смотрел то на одного, то на другого. Альмод шарахнул по дну кружки, которую пацан держал в руках, та врезалась в подбородок, парень слетел с лавки. Одновременно плетением толкнул стол наискось от себя, чтобы смел и одаренных, и Харальда. Сам шарахнулся назад, вскочив.

Как он и ожидал, Ивар вместо того, чтобы нырнуть под стол и дать тому пролететь поверх, стал его ловить. Действительно, не хватало, чтобы работодателя пришибли еще до того, как тот первое жалование заплатил. Вокруг загомонили, тоже повыскакивали из-за столов, кинулись прочь. Попасться под горячую руку никому не хотелось. Еще меньше хотелось становиться свидетелями – кто бы ни победил, проигравший как пить дать сорвет зло на тех, кто видел его позор. Одаренные простой люд и правда иной раз за людей не считали.

– Не убивать, – предупредил Харальд. Заметил чуть тише. – А то и в самом деле единственный целитель на всю округу.

Альмод оскалился – его-то это не касалось. И накрыл Ивара и Эйнара, что как раз начал подниматься, тем плетением, которое знали только чистильщики. Незаметным со стороны, как огонь или, там, лед, но почти мгновенно превращавшим живое в неживое.

Ивар рванул нити – Альмод удержал. И тут Эйнар шарахнул точно в уязвимую точку плетения. Оно рассыпалось, не успев коснуться людей. Твою ж мать! Парень просто талантлив – знал он таких, что едва увидев любое плетение определяли ключевые точки – или Лейв все-таки нарушил обещание, которое у него вырвал орден, и начал учить этому плетению других? Это же был дипломный проект его ученика, которого сам Альмод забрал в орден чуть больше года назад.

Впрочем, раздумывать было некогда. Легкие едва не наполнились водой – он успел разорвать нити буквально в последний миг, а в следующий Эйнар, кроваво ухмыляясь, потянул из него тепло жизни, замораживая, едва успел порвать и это. Похоже, оба решили наплевать на приказ не убивать. Сильны, близнецы им и в подметки не годились. И еще, похоже, дядюшка учил кое-чему племянника не только в тот месяц, что прошел после защиты. А сам Альмод слишком устал, чтобы сражаться в полную силу.

Сражаться с себе подобными, точно бойцовые псы. На потеху пустому, возмнившему себя местным божком. Только и не сражаться было нельзя – Альмод прочел это во взгляде Ивара с самого начала. Откажись он сопротивляться, его бы отметили просто так. А быть мальчиком для битья он не привык.

Злость придала силы, он шарахнул пламенем по широкой дуге, чтобы накрыть обоих. Харальд присел, прикрыв руками голову. Закричал не своим голосом Бранд, рванулся к отцу, выставив перед лицом локоть. С другой стороны Хильда – откуда только силы взялись – стащила со стола, что заменял сейчас трактирную стойку, бочонок с пивом, обняла, точно ребенка. И то правда, пиво сейчас на вес золота...

Ивар разорвал плетения прежде, чем огонь коснулся кого-то из людей. Эйнар обрушил сверху поток воды. Альмод выставил над головой барьер прежде, чем та упала на голову, ослепляя и лишая способности ориентироваться. Отпрыгнул назад, но в этот миг Ивар заморозил воду, и он приземлился как раз на корку свежего льда. Ноги разъехались, удержать равновесие не вышло. Альмод сгруппировался, уберегая голову, на миг потерял способность дышать, ударившись спиной. Но все же успел перекатиться и вскочить прежде, чем туда, где только что была его голова, рухнула торцом тяжеленная лавка. Отшвырнул ее плетением – теперь пришел черед Ивара уворачиваться. Мимолетно пожалел, что не украл у Нел меч – чистильщики носили оружие из небесного железа, блокировавшего дар. Тогда бы еще посмотрели, кто кого. Впрочем, Ивар, похоже, не врал насчет приграничья. Значит, и клинком наверняка владеет отменно. Но рубиться в полную силу Альмод бы смог и сейчас, а вот плести – уже нет. Принесли же демоны этих двоих...

Бранд тем временем подхватил отца под локоть, потащил прочь. Тот опомнился быстро, юркнул за спины троих мордovorотов, что пришли с ним. Рывкнул на сына, заставляя держаться рядом, а после – и на охранников, призывая не лезть. Те, впрочем, особо и не рвались в драку, дворовые псы, поджимающие хвосты, едва услышав волчий рык.

Эйвар рухнул на четвереньки, выкашливая воду. Ивар мельком глянул на племянника – справится ли сам. Альмод, воспользовавшись этим, попытался подчинить ему разум, но противник был начеку, порвал нити, а в следующий миг сам Альмод едва успел подтолкнуть собственное запнувшееся сердце. Прочухавшийся Эйнар в тот же миг собрал вокруг него воздух в студень – ни вдохнуть, ни пошевелиться. Альмод разорвал плетение – ровно для того, чтобы в ребра влетела лавка, сметая наземь и вышибая дыхание.

Он все же попытался вздохнуть и подняться, но Эйнар уже был рядом, и, более не утруждаясь плетением, прицельно пнул под дых. Альмод скорчился, потянулся к нитям, но плетение порвали, потом еще и еще, и каждый раз упущенное плетение отзывалось в голове болью и вспышками перед глазами. Впрочем, может, это были удары, кто его разберет. Он не мог ни плести, ни драться. Только корчился, пытаясь проташить воздух сквозь стиснутые зубы.

– Хватит, – донесся сквозь звон в ушах голос Харальда. – Поучили, и будет.

Он присел рядом, вцепился в волосы на затылке, разворачивая Альмоду лицом к себе.

– Я не злопамятен. И мне по-прежнему нужен целитель.

Альмод расхохотался. Смеяться было больно, остановиться не получалось.

– И не боишься, что отравлю?

Сам-то он как раз зло помнил очень даже хорошо.

– А ты поклянешься, что не будешь злоумышлять.

Из благородных, мать его так. Эти всерьез верили в то, что, раз поклявшись, человек будет свято следовать обету. И сами им следовали. Впрочем, как и Альмод.

Отвечать он не стал – просто плюнул. Харальд стер со щеки кровавую слюну и коротко, без замаха, двинул Альмоду кулаком в лицо.

Мир рассыпался искрами и исчез.

7

Первым, что он увидел, продрав глаза, была женская грудь. Пышная, гвоздики сосков приподнимали тонкий шелк, который больше показывал, чем прикрывал.

Альмод недоуменно моргнул. Бредит, что ли. Неоткуда здесь взяться шелку, единственная, кому он по карману – жена Харальда, покойница. Да и не было у нее таких... гм, такого богатства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.